

Иван Блох

История ПРОСТИТУЦИИ

Иван Блох

История проституции

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Блох И.

История проституции / И. Блох — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«История проституции» — научный труд немецкого дерматовенеролога и сексолога Ивана Блоха (нем. Iwan Bloch, 1872—1922).***Это без преувеличения настоящая энциклопедия, посвященная «древнейшей профессии». Автор подробно описывает все аспекты этого явления — от исторических истоков проституции и ее организации во времена Античности и Средневековья до мужской проституции, клиентуры и гонораров. Иван Блох известен тем, что первым ввел в науку термин «сексология». Он серьезно изучал теорию сексуальности и был одним из основателей «Медицинского сообщества по сексологии и евгенике».

© Блох И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	6
Введение	15
Книга первая	17
Глава первая	17
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иван Блох

История проституции

Авторизованный перевод с немецкого врача П.И. Лурье-Гиберман

Предисловие

(в то же время вступление к руководству по сексуалогии)

Определение и название обширной «науки о половой жизни» или сексуалогии (Sexualwissenschaft) установлено и введено мной в 1906 г. Оно быстро приобрело права гражданства и признано авторитетными лицами правильным выражением, безусловно, самостоятельной, обособленной науки, далеко выходящей за пределы медицины. Такой крупный авторитет, как Альберт Эйленбург, в рецензии о моей книге «Половая жизнь нашего времени» в «Deutsche Literatur-Zeitung» писал в 1907 году: «Иной читатель, несомненно, будет до известной степени удивлен или даже придет в недоумение, когда ему бросится в глаза в предисловии книги д-ра Блоха выражение «сексуалогия» (Sexualwissenschaft). Тем более что она сразу является у него в полном вооружении, как вышедшая из головы Зевса Афина, с притязаниями уже вполне развитой и энциклопедически разработанной, самостоятельной области исследования. Не слишком вдаваясь в историю вопроса, мы, тем не менее, должны признать, что это сомнительное сначала выражение само по себе совершенно правильно и, во всяком случае, дает произведению, которому оно служит до известной степени обозначением его программы, внутреннее и внешнее право на существование. В самом деле, почему бы ветвистому дереву, с которым так охотно сравнивают науку, не давать новых ростков, новых боковых ветвей, если соки его все снова и снова притекают в неожиданном изобилии – если сумма фактов, наблюдений и доступных распознаванию отношений, единственно составляющих содержание наших знаний, вдруг накапливается в том или ином направлении данной области исследования в неслыханном до того количестве?» Аналогично высказывается остроумный Георг Гирт в своей рецензии, озаглавленной «Наука о половой жизни» (напечатана в журнале Legend в апреле 1907 г.).¹ Он называет сексуологию «последней и самой молодой из наук и, тем не менее, наиболее обширной», а мою книгу «первой действительно широко задуманной попыткой описания новой науки». «Науку о половой жизни» вскоре признали также Магнус Гиршфельд и Герман Роледер. Первый – изданием своего превосходного журнала «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», просуществовавшего, к сожалению, только один год (1908), а последний – созданием особой рубрики «Sexualwissenschaft» для своих критических статей в «eichsmedicinalanzeiger» (с 1908 г.). В последние годы право на существование самостоятельной «науки о половой жизни» признано и многочисленными другими авторами, и термин этот в настоящее время можно встретить почти во всех научных медицинских, антропологических, а также юридических и теологических журналах.

Несколько месяцев спустя после появления первого систематического изложения науки о половой жизни, т. е. моего сочинения «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре» (Берлин, 1907), известный психолог Вилли Гелльпах² предложил мне написать более или менее обширное «Руководство по сексуалогии». Само собою, разумеется, что он имел при этом в виду не повторение или подражание моей книги «Половая жизнь» (хотя бы приправленной иллюстрациями), а научное рассмотрение всех половых проблем в отдельности, полную переработку их и новое обоснование в более или менее обширных монографиях. При этом он находил желательным положить в основу этих исследований антропологически-этнологический метод, впервые примененный мною в 1902 г. в моих «Beiträge zur

---

¹ Перепечатана в книге Гирта «Wege zur Heimat». München, 1909 г., с. 477–478.

² См. его статью «Сексуальная психология» в «Tag» № 168 от 4 апреля 1907 г.

Aethiologie der Psychopathia sexualis», а затем проведенный в книге «Половая жизнь». Дело в том, что простое сопоставление сделанного до сих пор не может более удовлетворить нас. Отныне мы нуждаемся в точном обосновании сексуологии, как самостоятельной науки, и в критической детальной обработке многочисленных неразрешенных еще и чрезвычайно сложных вопросов ее. Двойственный характер полового инстинкта, биологическая и культурная стороны его делают понятным: 1) всю трудность научного исследования половой жизни, а 2) тот факт, что «половой вопрос» считали себя призванными разрешать со своей одной точки зрения не только врачи и естествоиспытатели, но и теологи, философы, юристы и исследователи культуры. Из одного этого уже вытекает необходимость обоснования сексуологии как особой науки, которая не должна больше считаться придатком какой бы то ни было другой науки, как это было до сих пор. Отсюда же видно, что было бы бессмыслицей рассматривать все названные научные дисциплины в совокупности, как «науки (!) о половой жизни». К чему это могло бы привести, показал чисто медицинский, клинический способ Крафт-Эбинга³ и его предшественников и последователей, из которых некоторые думают, что, введя новые и специальные иностранные слова без всякого идейного содержания, они обогатили науку. А между тем именно здесь, прежде всего, важно критическое исследование действительных явлений. Наука о половой жизни не есть подчиненная часть ни психиатрии и неврологии, выдающиеся представители которых еще и теперь рассматривают половую жизнь почти как *quantite negligeable*, ни венерологии (если вспомнить, например, проституцию). Если же нынешние врачи с того момента, как они начинают исключительно заниматься проблемами сексуологии, называют себя «специалистами по психическим и нервным болезням», то это шаг назад. Это – достойная сожаления непоследовательность, которая едва ли может способствовать несомненной для меня независимости и самостоятельности нашей науки. В предисловии к «Половой жизни нашего времени» я уже высказал убеждение, что чисто медицинский (я уже не говорю психиатрический) взгляд на половую жизнь недостаточен для понимания разносторонней связи ее со всеми областями жизни человека, хотя медицина и будет всегда составлять ядро сексуологии. Связь эта, взятая в целом, и составляет содержание особой «науки о половой жизни». Задача последней: исследовать как физиологические, так и социальные и культурно-исторические отношения полов и, путем изучения первобытного и культурного человека, отыскать у всех народов и во все времена элементарные половые идеи человечества, т. е. однородные биологически-социальные явления половой жизни, чтобы создать, таким образом, под зданием новой науки твердую почву. При массовых наблюдениях, материал для которых никогда не может быть достаточно велик и все еще продолжает нарастать, антропологический метод исследования (в самом широком смысле слова) один только дает нам пригодные в научном отношении основные положения сексуологии, имеющие право претендовать на такую же точность и объективность, как естественнонаучные наблюдения.

С 1902 года, со времени появления моих «*Beiträge zur Aethiologie der Psychopathia Sexualis*», в которых впервые сознательно и систематически проведен антропологически-этнологический способ исследования полового инстинкта и так называемой «половой психопатии», я непрерывно работаю над антропологическим обоснованием сексуологии. А потому я был приятно поражен, когда недавно встретил аналогичную концепцию обширной науки о половой жизни у такого выдающегося ученого, как Вильгельм фон Гумбольдт.

В 1908 г. в VII т., издаваемого Прусской Королевской Академией собрания сочинений Вильгельма фон Гумбольдта (с. 653–655), впервые напечатан отрывок из «*Geschichte der Abhängigkeit im Menschengeschlechte*», в котором первые две главы, опирающиеся на более старые понятия (от 1791–1795 гг.), представляют весьма интересный проект половой реформы. Мы не можем не удивляться, что половой вопрос уже рассматривается здесь как интегрирую-

³ Собственно основателя современной половой патологии.

щая часть великой проблемы развития человечества. Но удивление наше еще возрастает при виде проницательности Гумбольдта, поставившего половую жизнь в центре этого развития. Благодаря академическому изданию, всеобъемлющий ум друга Шиллера и Гете, равно постигавший реальное и идеальное, впервые раскрывается перед нами во всей своей полноте. Вильгельм Гумбольдт носил в себе образ гуманитарного космоса, как великий брат его Александр – образ космоса земного. Он хотел проследить половой вопрос в его мельчайших разветвлениях в целом ряде исследований. Из названного отрывка видно, что он хотел исследовать в особых главах проституцию, брак, половой инстинкт, половые извращения, телесные и духовные особенности полов, и из рассмотрения исторических фаз зависимости полов хотел генетически развить идею половой свободы. Он совершенно правильно понимал уже также, что вопрос о проституции составляет центральную проблему науки о половой жизни, и что из нее поэтому нужно исходить, чтоб осветить и понять сущность половой жизни и ее разностороннюю связь с человеческой культурой. Как это видно из письма Каролины фон Вольцоген к Каролине фон Гумбольдт от 1798 или 1799 г., он поэтому предполагал, прежде всего, написать обширную «историю проституции» («Geschichte der Hurerei»)⁴.

Зарождение этих поистине удивительных для того времени идей относится к 1791–1795 г., следовательно, к юности Гумбольдта, к концу XVIII века, когда в особенности во Франции столь ревностно дебатировался вопрос об улучшениях и реформах во всех областях жизни человека. Но проект половой реформы Гумбольдта не был обнародован по той причине, что отрывки задуманного им сочинения (превосходные исследования «Ueber den Geschlechtsunterschied»⁵ и «Ueber die männliche und weibliche Form»⁶), напечатанные в журнале Шиллера «Ногеп», были недостаточно поняты. Об этом можно, конечно, пожалеть, тем более что такого рода исследование, безусловно, требовало тогда еще большей свободы от предрассудков, чем теперь. Но мы не должны, однако, скрывать от себя, что время для такого предприятия тогда еще не наступило. История культуры, как и естествознание, вращались еще тогда в сфере совершенно априорных построений, этнография находилась в самом зачаточном состоянии. Словом, для объективного обоснования сексуологии и опирающейся на нее половой реформы абсолютно не было данных. Нужно было еще целое столетие точных естественнонаучных исследований, введение аналогичных точных методов в так называемые гуманитарные и исторические науки и накопление громадного фактического материала в области народоведения и сравнительной истории нравов и права, чтобы можно было возобновить эту попытку, имея под собой более твердую почву.

Научный базис для науки о половой жизни, как чистой науки, создает единственно только антропологически-этнологический метод исследования, превосходство которого над медицински-клиническим я впервые доказал в 1902 и 1903 году в моих «Beitrage». В этой книге я попытался найти повторяющиеся всюду основные явления половой жизни, присущие *genus homo*, как таковому. Там же я впервые (а позже еще решительнее в «Половой жизни») опровергаю так называемую теорию вырождения, задолго до Зигмунда Фрейда развиваю понятие о «половых эквивалентах» и доказываю громадное значение их для человеческой жизни и культуры.⁷

⁴ Werke Bd. VII, S. 655, а также Gustav von Stryk, Wilhelm von Humboldts Ästhetik als Versuch einer Neubegründung der Sozialwissenschaft, Berlin 1911, S. 16–46.

⁵ Ueber den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur. Neudruck in der Akademieausgabe, Berlin 1903, Bd. I, S. 311–334.

⁶ «Ueber die männliche und weibliche Form». Там же, стр. 335–369.

⁷ Freud сам называет меня основателем антропологической теории сексуологии (см. его сочинение по сексуальной психологии, «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie», Wien 1905, S. 80). Последователь Freud'a, Wilhelm Stekel также говорит («Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung», Berlin-Wien 1908, S. 311): «Исследования Ивана Блоха дали нам точные доказательства того, что извращения не являются продуктом вырождения и что они существуют у диких народов даже гораздо чаще, чем у якобы рафинированных людей декаданса, которые, пресыщенные нормальными наслаждениями, будто жаждут новых ощущений». Я должен указать на это, потому что в последнее время замечается стремление выдвинуть вперед Freud'a, как ини-

В дальнейшем развитии этих идей я первый указал в 1906 г. в моей книге «Половая жизнь» на тесную связь человеческого труда с половой жизнью, а в заключительной главе решительно подчеркиваю то громадное значение, которое будет иметь именно труд для дальнейшего развития современной любви.⁸

Таковы по существу основные идеи и принципы исследования, на которых будет построено «Руководство по сексуалогии в монографическом изложении», издаваемое мною при содействии выдающихся авторов, причем оно, безусловно, будет проникнуто единством идеи. Это руководство стремится разрешить задачу, вытекающую отныне из естественного хода развития нашей молодой науки, а именно: заново переработать, подвергнуть всестороннему, исчерпывающему критическому исследованию и разъяснить главнейшие вопросы сексуалогии на основе антропологически-этнологического метода, равно обнимающего природу и культуру. Такое сочинение может создаваться лишь постепенно, может достигнуть действительного совершенства лишь путем органического роста. В самом деле, к сотрудничеству в этом предприятии могут быть призваны лица не только по титулу и рекламе, но действительно являющиеся «авторитетами» в этой области – лица, на основании многолетней работы и опыта знающие подлежащую обработке проблему до мельчайших подробностей. Кроме того, они last not least должны быть убеждены подобно мне в абсолютном превосходстве антропологического метода. Поэтому я особенно рад, что мне удалось уже привлечь к сотрудничеству в «Руководстве» двух лиц, которые не только связаны со мной личной дружбой, – что также, конечно, не в малой степени служит порукой цельности и гармоничности совместной работы, – но и разделяют по существу основные взгляды мои на то направление и методы исследования, которых нужно придерживаться при обосновании сексуалогии. После появления первых двух томов «Руководства», посвященных проституции, этой центральной проблеме всей вообще науки о половой жизни, доктор Магнус Гиршфельд критически обработает в обширной монографии: «Гомосексуализм мужчины и женщины». Он подробно рассмотрит это удивительное явление в биологическом, психологическом, патологическом и юридическом отношении и выяснит его значение для культуры и расы. Доктор Гиршфельд бесспорно лучший знаток гомосексуализма и собрал в течение нескольких десятков лет колоссальное количество наблюдений, касающихся всего мира. Находящийся в его распоряжении материал по этому вопросу не имеет себе равного по обширности и разносторонности. Заслуженный редактор-издатель «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen», открывший почти невероятную и все же действительно существующую группу «трансвеститов», превосходный учитель, личному преподаванию которого так много немецких и иностранных врачей обязаны своими знаниями о сущности гомосексуализма и его характере, – он давно обязан был дать научному миру фундаментальное сочинение по этому вопросу, написать которое он призван более всякого другого. В четвертом и пятом томе «Руководства» г. Фердинанд Фрейгерр фон Ретценштейн изложит «Половую этнологию»: содержание четвертого тома составит «Мужчина у первобытных и культурных народов», содержание пятого – «Женщина у первобытных и культурных народов». Ассистент берлинского этнологического музея и заведующий этнологическим отделением дрезденской гигиенической выставки (1911 г.), г. фон Ретценштейн изучал эту специальную область этнологии в течение многих лет. Он приобрел большой практический опыт в этнографии и много-

---

циатора антропологического метода, между тем как его сексуальный «психоанализ» представляет ведь только специальное применение и, – несмотря на преувеличенный символизм – несомненно, важное практическое использование моего антропологического метода.

⁸ См. также мою речь «Есть ли проституция необходимое зло?», сказанную мною на 11-м общем собрании немецкого союза в защиту матерей 16 апреля 1909 г. (Neue Generation 1909, S. 179–190, 224–236), а также мою речь «Половой вопрос в древности и его значение для современности» на интернациональном конгрессе в защиту матерей и половой реформы 29 сентября 1911 г. (Neue Generation 1912, стр. 21–29, 87–99). Я и здесь также подчеркиваю даты (1906, 1909, 1911 гг.), потому что в начале 1912 г. один автор, совершенно умалчивая о моем приоритете касательно идеи о связи половой жизни с трудом, выдает ее, как теперь только им открытую».

численными небольшими монографиями, критически составленными по источникам, подготовил свое обширное произведение по половой этнологии. Появления его мы должны ждать с тем большим нетерпением, что оно содержит многочисленные новые, неизвестные до сих пор иллюстрации из области этнографии.

Все «Руководство», которое составит приблизительно 12 томов, по основной идее и замыслу должно составить теоретическое обоснование будущей половой реформы, конечная цель которой может быть найдена лишь в направлении, указанном мной на 524–525 странице настоящего первого тома. Цель эта заключается в естественном, биологическом взгляде на половую жизнь и в выяснении присущего ей культурного значения. Ибо среди неискоренимых, вечно возвращающихся предрассудков человечества во всех областях культуры, религии и науки, предрассудок, касающийся половой жизни, быть может, наиболее упорный. Мы говорим о старинном веровании в наследственный грех, в абсолютное зло полового инстинкта, в половое вырождение и развращение каждой данной эпохи, которой противоплагается детская простота и невинность «доброе старое времени», относимого на одно-два столетия назад. А в ту эпоху, в свою очередь, произносились иеремии и рисовались фантастические картины такого же идеального царства еще более раннего «доброе старое времени». Пятясь, таким образом, назад, как рак, мы дошли, в конце концов, до золотого века и рая. А между тем история и естественные науки доказали, как известно, и для половой жизни человечества прогрессивное развитие из примитивных зачатков и первобытного состояния. В самом деле, где был бы теперь род человеческий, если бы все это было наоборот, если бы вначале существовал идеал, а в конце – вырождение и глубокая испорченность.⁹ С половым инстинктом связано не только размножение человека. С ним связано также вторично и всякое духовное развитие его. А потому, если представить себе без всяких предрассудков, т. е. в этом случае чисто логически, весь ход развития человечества, то нельзя не признать, что половое развращение может быть для истории культуры лишь относительным понятием. Это решительно подчеркнул уже человек с таким ясным умом, как Лессинг, а знаменитые естествоиспытатели Христиан Готфрид Эренберг и Вернер фон Сименс дали нам точные доказательства того, что физическая и моральная природа человека, напротив, все облагораживается и улучшается. Все это заставляет нас верить в идеального человека будущего Ильи Мечникова и в совершенствование человека, достижимое путем «наследственного раскрепощения» («Erbliche Entlastung», Георг Гирт). Говоря словами Альфреда Гроттиана из его превосходной, недавно вышедшей «социальной патологии», прекрасная, многообещающая задача сексуологии заключается в том, чтобы подготовить своими исследованиями «рационализирование человеческого видового процесса» и на место старых предрассудков и старого суеверия поставить только разум и чисто научное познание. Кто верит, подобно мне, что гармоничность человечества постоянно возрастает, для того все «предрассудки» являются ничем иным, как только признаками и последствиями дисгармонии в условиях человеческой жизни, осужденными на постепенную гибель.

Наука о половой жизни находится еще в начальной стадии своего развития. Государственные или частные «институты для изучения сексуологии», о необходимости, организации и задачах которых я надеюсь подробнее высказаться в другом сочинении, еще далеки от осуществления. Тем более это первое, широко задуманное руководство, должно поставить себе целью: расчистить пути для честного, свободного и независимого исследования в этой области; дать точные основные положения для громадного дела обновления и улучшения условий половой жизни, соответственно изменившимся условиям культуры; наконец, объективно определить линии направления в будущем. Половая реформа на основе науки о половой жизни – такова задача будущего!

---

⁹ По этому вопросу см. мою книгу «Половая жизнь нашего времени», перев. врача Лурье-Гиберман, изд. «Современной медицины и гигиены» глава 17-ая.

Два первых написанных мною тома «Руководства по сексуалогии» рассматривают громадную проблему проституции, которую я уже в 1906 г. назвал ядром и центральной проблемой полового вопроса. Разрешение ее почти тождественно с разрешением самого полового вопроса. Доктор Елизавета Дрентельн в своей умной небольшой брошюрке («О проституции с точки зрения динамики жизни», Москва, 1908 г.) аналогично называет проституцию «вопросом всех вопросов». Проституция занимает такое место не только в силу чисто внешнего момента, т. е. тесной связи своей с распространением половых болезней в качестве главного очага их. И не в силу того также, что борьба с проституцией гораздо важнее самой борьбы с половыми болезнями и действует как лучшее антисифилитическое средство. Нет, положение, занимаемое проституцией, обуславливается еще также чисто моральными причинами. Она представляет наиболее жгучий вопрос совести современного культурного человечества, пробный камень всякой высшей этики будущего общества.

Пришло, наконец, время для новой и самостоятельной разработки всего вообще вопроса о проституции. Теперь возможно уже более успешное разрешение его, чем при устарелом методе и взглядах великого Паран-Дюшателе, хотя последние и теперь еще являются решающими для большинства исследователей. Со времени появления первого научного труда о проституции, т. е. бессмертной книги Паран-Дюшателе (1836 г.), прошло всего 76 лет, но в течение этого короткого времени совершился такой громадный социальный переворот, как никогда раньше в мировой истории. Это время является веком естественных наук, который характеризуется громадным развитием техники, торговли, промышленности и мировых сношений; громадным распространением знаний во всех слоях населения до самых низших; выступлением на авансцене рабочего класса; женским движением и чрезвычайным усилением самосознания общества и чувства ответственности. Все эти моменты продолжают еще оказывать свое полное действие. Они готовят новое общество, новую эпоху, которая будет отличаться от современной в такой же степени, как отошедшее уже в область прошедшего так называемое «новое время» отличается от средних веков. В связи с этим вопрос о проституции приобретает совершенно другой вид, чем прежде, до половины XIX столетия, до появления индустриального государства, социализма, всеобщего обучения и женского движения. В особенности это последнее будет иметь громадное значение для будущности проституции и приведет к тому, что вопрос, является ли она «необходимым злом» в жизни современных культурных народов, будет решен отрицательно. В самом деле, организованное женское движение никогда еще не существовало в истории человечества в такой форме. Оно начинает собою новую эпоху для истории проституции, потому что теперь только может осуществиться единственно действительный, открывающий новые горизонты принцип самопомощи и самоосвобождения, совершенно отсутствовавший до сих пор в борьбе против проституции, вследствие бесправия и бессилия женщины.

Но чтобы направить эту самопомощь на настоящий путь, чтобы привести разрушительную борьбу с проституцией к успешному концу, необходимо действительное знакомство с истинной сущностью проституции, как удивительным пережитком примитивной половой жизни; нужно далее глубокое исследование ее причинной связи с антично средневеково-современной половой этикой; нужна новая этика в смысле признания половой жизни, как естественного, биологического явления, и необходимо, наконец, приспособить эту новую этику к современной культуре путем привнесения в нее понятий о труде, ответственности и относительном половом воздержании.

Отсюда вытекает для нас задача рассмотреть современную проституцию не как нечто само по себе изолированное или как комплекс определенных внешних условий и фактов; напротив, мы должны установить ее внутреннюю сущность, которая по ее примитивным корням и ее внутреннему историческому развитию определяется как интегрирующая составная часть древней половой этики. Даже как явление современной культуры, проституция всюду

обнаруживает следы прошлого. То, что до сих пор называлось историей проституции,¹⁰ представляет лишь более или менее полное нанизывание более или менее скрытых фактов, т. е. чисто внешнюю историю и собрание чисто внешних наблюдений. Выдающийся криминалист Аве-Лаллеман указывает на этот недостаток еще в сочинении Паран-Дюшателе. Он говорит: Паран-Дюшателе «не уловил души проституции в ее историческом жизненном процессе» и дал только внешний анализ ее деталей.¹¹ А между тем все дело именно в этой «душе». Она раскрывается перед нами в обнажении примитивных корней проституции, в познании «элементарных половых идей» человечества, в отношениях проституции к религиозной, социальной, политической и умственной жизни, в ее характере, отражающем этико-половые воззрения различных эпох и народов. Это именно и есть та «внутренняя» история проституции, которая одна только дает возможность сделать заключение о ее сущности и отношении к современной культуре. Поэтому она с полным правом помещена в настоящем сочинении на первом плане, хотя изложению внешних условий будет уделено не меньше внимания. Только тогда внешняя история проституции получает свое обоснование и объяснение в ее внутренней истории. Как это можно видеть из упомянутого проекта Вильгельма фон Гумбольдта, и он также именно так представлял себе когда-то истинно-научную историю проституции. В сохранившемся отрывке введения (там же т. VII, стр. 654) он говорит: «Wenn aber die Weltgeschichte wahrhaft innerlich, als ein Abriss der wirklich gewordenen Erscheinungen des geistigen und empfindenden Menschen genommen werden soll, so müssen nicht bloss die Menschen in verschiedenen Zuständen, sondern auch die allgemeine Zustände an verschiedenen Menschen und Völkern betrachtet werden». В сочинении, содержащем только два, хотя бы объемистых тома, невозможно было бы рассмотреть проституцию всех народов и во все времена, если бы путем постоянного сопоставления внутренней истории проституции с внешней не были бы найдены типичные, общие для всех периодов, т. е. существенные основные черты ее, и если бы не удалось таким образом привести в доступное обозрению одно органическое целое, все детали проституции, вообще трудно поддающиеся объяснению, в виду распространения проституции по всему земному шару и существования ее в самые различные и гетерогенные эпохи. Это именно и сделано было в настоящей книге, первом действительно почти полном научном сочинении о проституции, которое, рассматриваемое с чисто внешней стороны, содержит описание проституции у первобытных народов, у народов классической древности и древнего востока, у азиатских культурных народов (Индия, Китай, Япония), у византийцев, у исламистских и христианских культурных народов. До сих пор все это представляло полнейший хаос. Антропологический метод именно здесь блестяще оправдал себя и дал мне возможность научно осветить этот хаос. Я хочу вкратце резюмировать главнейшие новые результаты и выводы, к которым я пришел в этом первом томе:

1. Новая критическая разработка и новое определение понятия «проституция».
2. Проституция как социальное явление есть пережиток («survival») в смысле Тайлора.
3. Проституция как биологическое явление – как я впервые указал уже в 1906 году и доказываю в настоящем томе на основании богатого фактического материала – есть форма дионисиевского самоотречения человека. Этим объясняется ее органическая связь с остальными средствами самоотречения, с различными формами религиозного и артистического экстаза, с искусственными опьяняющими средствами (гашиш, опиум, бетель, табак, кофе, чай, алкоголь, эфир) и духами, с купаньями и верой в ведьм. Это первая и, как мне кажется, убедительная попытка однородного биологического объяснения взаимоотношений всех этих своеобразных явлений, наблюдающихся у всех народов земного шара.

¹⁰ Например, сочинение Поля Лакруа, под псевдонимом Пьера Дюфура, обнимающее только древнюю эпоху и историю проституции во Франции до 17-го века.

¹¹ Friedrich Christian Benedikt AVE-Lallcmant, Das deutsche Gaunertum, Leipzig 1862, Bd. III, S. 166.

4. Экономические отношения проституции можно доказать уже очень рано, но они носят вторичный характер и первоначально не принадлежат к существенным сторонам проституции.

5. Опровержение воззрения, что проституция представляет неискоренимое и необходимое зло.

6. Доказательство, что почти вся современная организация и дифференциация проституции происходят из классической древности и что отношение средневекового и современного государства и церкви к проституции объясняется типичной эллинизацией христианской половой этики, совершившейся еще во времена апостолов и отцов церкви.

7. Доказательство, что господствующая и теперь еще античная половая этика с своей системой двойственной морали представляет необходимый продукт общественной морали типичных рабских государств, в которых, наряду с рабством, благоприятными моментами для развития и широкого разветвления проституции являются еще также презрение к женщине, презрение к индивидуальной любви и презрение к труду. Современная половая этика есть, следовательно, этика античного рабского государства, а государственная регламентация проституции – сохранившаяся мера того же рабского государства.

В своем изложении я обращал величайшее внимание на строго научную связь и последовательность отдельных частей и на логическую связность целого. Поэтому я заранее должен оговориться, что не могу считаться с критиком, не прочитавшим моей книги последовательно от первой до последней главы; каждая глава есть предпосылка следующей.

Надеюсь, что в моей книге не найдут также того порока, который Ницше называл типично современным, именно «страх перед выводом». Я всегда признавал те идеи и выводы, которые с абсолютной необходимостью вытекали из фактов, и считал первой заповедью научной этики выводить хотение из признанного истинным знания. И я должен откровенно сказать, что знание это добыто мною не из вторых или третьих рук, как это, к сожалению, имеет место во многих сочинениях именно о проституции, а что я от начала до конца самостоятельно продумал свою проблему на основании собственного изучения старых источников и открытия многочисленных новых. Только таким образом можно было получить описание примитивной, античной и средневековой (христианско-магометанской) проституции, составленное по оригинальным источникам. До сих пор еще не было сочинения в таком роде. Пользуясь громадным, насколько возможно полным материалом по источникам, я следовал принципу, который провозгласил один из первых мыслителей в области истории медицины, Макс Нейбургер, в своей прекрасной речи по поводу юбилея Эрнста фон Фехтерслебена: «не путем мелочного филологического изучения, а путем пробуждения к жизни научного исследования, древние тексты приобретают смысл и значение для современной работы». Пусть читатель решает, удалось ли мне критически обнять многочисленные юридические (например, в первой главе), теологические (например, в первом оригинальном изложении христианской половой этики, стр. 489–544), медицинские, антропологические и культурно-исторические проблемы, а также, удалось ли мне надлежащим образом осветить отношение проституции к социальному вопросу, чему я всюду придавал величайшее значение. Так как с гетеросексуальной проституцией всюду связана гомосексуальная, то пришлось дать описание и этой последней. До сих пор она тоже не была систематически и критически разработана по источникам.

При составлении алфавитного указателя и оглавления я придерживался того принципа, что оба они действительно пригодны лишь в том случае, если они составляют кратное повторение содержания.

Работа моя сопровождалась выражением живейшего интереса и ценными советами и сообщениями со стороны моих друзей, д-ра Альфреда Гротьяна и д-ра Магнуса Гиршфельда. и молодого, много обещающего ученого, д-ра Р.К. Ноймана. Считаю себя обязанным выразить мою живейшую благодарность как им, так и проф. Теодору Петерману (Дрезден) за любезность, с которой он предоставил мне пользоваться сокровищами библиотеки Gehe-Stift. Благо-

дарность моя относится также к ниже поименованным друзьям, читателям и корреспондентам, которые своими сообщениями и присылками способствовали моему труду. Лица эти следующие: пастор Эрнст Баарс (Вегазак), г. референт Эрнест А. Белль (Чикаго), д-р Фр. Биргоф (Нью-Йорк), проф. Альфред Блашко (Берлин), г. Рихард Блох (Гельдерн), д-р прав Таге Е. Буль (Копенгаген), д-р Эрих Эбштейн (Лейпциг), проф. Поль Эрнрейх (Берлин), проф. Альберт Эйленбург (Берлин), д-р А. Флекснер (Нью-Йорк), д-р Альфред Готендорф и Гуго Гейн (Дрезден), д-р Георг Гирт (Мюнхен), д-р Гейнрих Копп (Берлин), д-р Ле-Пилёр (Париж), д-р Ганс Линдау (Берлин), г-жа Роза Майредер, проф. Поль Некке (Губертусбург), проф. Юлий Дагель (Берлин), д-р Юлий Пройс (Берлин), проф. В. Рошер (Дрезден), инженер Поль Шарф (Берлин), аптекарь Герман Шеленц (Кассель), г-жа Екатерина Шевен (Дрезден), президент сената г. Шмёльдер (Гамм), г-жа Марта Штерн (Маннгейм), д-р Елена Штёккер (Берлин), д-р Гейнрих Штюмке (Берлин), г. Октав Юзан (Париж), г-жа Инес Ветцель (Берлин), д-р прав Евгений Вильгельм (Страсбург), г-жа Ева Цеезе, г. Федор фон Цобелиц (Берлин), проф. Леопольд Чарнак (Берлин).

Второй том, рассматривающий новое время и современную проституцию, выйдет в конце 1912 года. Пусть тогда все сочинение, выпущенное в свет, послужит свидетельством серьезного направления и чувства ответственности, характеризующих столь опороченную – потому что она совершенно неизвестна – «новую этику». Как первый фундамент молодой науки о половой жизни, пусть оно послужит распространению истинной нравственности, справедливости и человеколюбия в области половой жизни. И пусть оно укрепит у серьезных мужчин и женщин убеждение, что проституция не есть необходимое зло и что постижение ее сущности дает возможность культурному человечеству вести с ней более успешную борьбу, чем это было возможно до сих пор.

Берлин-Шарлоттенбург 21 июня 1912 г.

Д-р Иван Блох

Введение

Предмет этого сочинения – проституция – представляет проблему, ядро которой может быть выражено в очень простой и ясной формуле, может быть изображено в наглядной картине. Кто желает проникнуть в сокровеннейшую сущность этого сложного явления, кто желает понять причину его существования в течение тысячелетий, безнадежность употребительных до сих пор методов борьбы с ним и необходимость найти для этой цели новые средства, тот должен ясно представить себе, что проституция – голова Януса, одно лицо которого обращено к природе, а другое – к культуре.

Непременная внутренняя связь проституции, как социального явления, с культурой и цивилизацией бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Этим не уничтожается, однако, тот факт, что сущность ее осталась почти незатронутой могучим прогрессом культуры и что неизменно-примитивное в ней в течение тысячелетий стоит против культуры, как нечто ей в основе чуждое и враждебное, или, во всяком случае, не слившееся с ней. Вопрос в том, не достаточно ли одного этого биологического корня проституции, чтобы объяснить ее живучесть и бесплодность борьбы с ней.

Кто рассматривает проституцию только как результат несоответствия между половым влечением и возможностью вступления в брак, тот касается лишь поверхности проблемы или видит одну лишь ее сторону. Правильнее обозначать этот биологический фактор проституции, как реакцию против подавления культурой первобытной потребности в более свободной половой жизни, как последний видимый пережиток примитивной сексуальности, оставшийся после того, как прогрессирующее развитие культуры, путем превращения энергии, поглотило и использовало для своих целей наиболее значительную часть ее в форме «половых эквивалентов» (Блох).

Но, с другой стороны, тот факт, что проституция представляет специфически человеческое явление, которому нет аналогии в животном мире, указывает, что она представляет исконный продукт культуры, в частности, особого строя общественной жизни и связанного с ним порядка половых отношений. И этот социальный корень проституции точно так же можно проследить очень далеко вглубь веков, до первых начатков формирования общественных групп.

Но в то время, как биологические причины проституции по природе своей просты и элементарны и до сих пор сохранили свой примитивный характер, социальные причины ее, по мере возрастающей дифференцировки культуры и общественной жизни, становились все разнообразнее и сложнее, чем и объясняется трудность построения действительно научной этиологии проституции. Факторы, благоприятствующие развитию современной проституции, представляют интегрирующую составную часть того, что известно под именем социального вопроса. Социальный вопрос включает в себе вопрос половой, т. е. социальные формы проявления и социальное урегулирование полового инстинкта. А проституция стоит в самом центре всего полового вопроса. Она представляет центральную проблему его. Достаточно сказать, что половые болезни объясняются, главным образом, проституцией, которая служит главным очагом заражения венерическими болезнями.

Таким образом, если проституция в глубочайшей основе своей и связана с первобытным, примитивным биологическим инстинктом, то в социальном отношении она, безусловно, представляет дистелеологическое явление народной жизни, болезненный общественный процесс, безусловно, антисоциального и антигигиенического характера, «отрицательное социальное явление» (Штаммлер), словом – большое зло, которое, однако, несправедливо называют необходимым. При более глубоком исследовании – как это изложено в настоящем сочинении,¹²

---

¹² Первый эскиз содержит мой доклад, прочитанный на втором общем собрании «Немецкого союза для защиты матерей»

– выясняется основное различие обоих факторов проституции, содержащихся в выражении «необходимое зло». Дело в том, что «необходимое», т. е. примитивный инстинкт, проявляющийся с первобытной принудительной силой, не связано с проституцией узами естественной необходимости и могло бы найти себе удовлетворение и помимо нее. Собственно же зло проституции, т. е. ее дурная, разрушительная сторона, при ближайшем изучении оказывается простым пережитком античной культуры, который совершенно не согласуется с нашей культурой, действует на нее как инородное тело и исчезнет в тот момент, когда новая культура современного человека, теперь видимая еще только в ее начатках, окончательно освободится от культуры античносредневековой. Коротко выражаясь, в этом «необходимом зле» необходимое не есть зло, а зло не необходимо. Это наша тема, наш тезис. Чтобы ее доказать, чтобы точно установить характер современной проституции, который однообразно проявляется всюду в культурных странах старого и нового света, мы разделили наше сочинение на три книги. В книге I мы рассматриваем происхождение современной проституции. Книга II описывает состояние современной проституции. В книге III говорится о борьбе и искоренении проституции. Применяя всюду индукционный метод и критический анализ часто столь сложной причинной связи явлений, нам, возможно, будет изложить вопрос о проституции во всех его частностях так, как того требует точка зрения современной науки и цивилизации.

Книга первая

Происхождение современной проституции

Глава первая

Определение проституции

Со времен древности каждый раз все снова делали попытку дать точное и ясное определение понятия «проституция». Но уже большое число этих попыток надо думать, что оно равно нескольким сотням – и тот факт, что определения юристов, медиков, социологов и моралистов частью сильно расходятся между собой, доказывает, что точное ограничение содержания слов «проституция» и «проститутка» очень затруднительно. Такой знаток, как Рабюто, даже придерживался мнения, что затруднение это непреодолимо (*insurmon-table*).¹³

Прежде всего, понятие о проституции должно быть ограничено *genus homo*. Проституция существует только у человека, творца культуры и общественного порядка. Это было известно уже древним. Так, Овидий пел:

«Стоит распутная женщина, которую купить может каждый за известную плату, и телом, которое отдает в распоряжение каждого, старается приобрести жалкие богатства. Впрочем, и та проклинает власть жадного сводника и вынужденно делает то, что вы делаете добровольно. Возьмите в пример животных, лишенных рассудка. Постыдно будет, если у животных в этом отношении добрее характер. Кобыла не требует платы от жеребца, ни корова от быка, и баран понравившуюся ему овцу не старается заманить подарком. Только женщина радуется, исторгнув взятку с мужчины, – одна назначает плату за ночи, одна отдается в наем. Продает то, что доставляет наслаждение и тому, и другому, то, к чему оба стремились, и назначает цену за собственное наслаждение.»¹⁴

Моралист-статистик Александр фон Эттинген,¹⁵ возражая Вуткэ, который в своем учении о нравственности обозначает проституцию, как нечто «чисто животное», точно также говорит: «Я думаю, что у животных она невозможна, даже немыслима» – чего нельзя, впрочем, распространить на все «плотские грехи», как желал бы ф. Эттинген. Проституция, как продукт культуры, у животных, разумеется, невозможна. Но теоретически можно было бы себе представить, что и животные вступают в половые сношения ради каких-нибудь преимуществ, например, ради лакомства. Зоологи и ветеринарные врачи ничего, однако, не сообщают об этом.¹⁶ Следующее сообщение, которым я обязан окружному ветеринару, д-ру Рейнгарду Френеру, все же настолько интересно, что оно поощряет к дальнейшим наблюдениям.

«Явление, которое можно было бы сравнить с проституцией, у домашних животных, насколько мне известно, не существует. Для удовлетворения своего полового инстинкта во время течки, женские особи проявляют громадную энергию. Но как только она прошла, они так же пылко отклоняют соитие. Мысль о том, не отдаются ли они ради преимуществ не соматического характера, совершенно исключается.

Не знаю, сделали ли вы когда-нибудь следующее наблюдение над самками обезьян. Оно, несомненно, принадлежит к понятию о проституции.

---

¹³ M. Rabutaux, De La prostitution en Europe depuis l'antiquite jusqu'a la fin du XVI siecle, Paris, 1865, стр. 119.

¹⁴ Овидий, т. 1, Элегия 10, стр. 121–122, перев. А. Клеванова, 1874 г. Изд. бр. Салаевых.

¹⁵ Alexander V. Oettingen, Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung fur eine Sozialethik. 3. Aufl. Erlangen, стр. 81.

¹⁶ Даже и в фундаментальной книге Роберта Мюллера, «Sexualbiologie. Vergleichend – entwicklungsgeschichtliche Studien über das Geschlechtsleben des Menschen und der höheren Thiere» (Berlin 1907), я не нашел ничего об этом.

Если бросить лакомства в клетку обезьян, в которой содержатся вместе самцы и самки, то бывает иной раз, что сильный самец подходит к самке, поймавшей орех или сласти. Я часто наблюдал, что самка, заметив дурные намерения приближающегося самца, поворачивается к нему задом с соответствующими жестами, приглашая его к совокуплению, несомненно, с целью спасти свой орех и пр. Нужно заметить, что так же поступают и юные самцы по отношению к взрослым, более сильным, чем они. Самцы обезьян, находясь вместе, всегда взаимно онанируют между задними конечностями».

Френер рассматривает этот факт, как пример проституции со стороны самцов и самок обезьян, которые приглашают вступить в соитие (или отдаются) ради достижения посторонней выгоды. Таким образом, у ближайших к человеку приматов мы должны были бы констатировать тот важный факт, что более слабые индивидуумы пользуются половыми раздражениями, чтобы получить от более сильных какие-нибудь преимущества. На мой взгляд, однако, дело идет здесь не о выраженной проституции, как у человека, а о первых зачатках ее, которые так часто наблюдаются и между нормальными, непроституированными мужчиной и женщиной.

К таким же зачаткам проституции нужно отнести, быть может, и удивительные поступки австралийских певчих птиц, плащеносцев, подробно описанные впервые Гульдом.¹⁷ Птицы эти строят исключительно для целей половых сношений искусно украшенные беседки.¹⁸ Здесь собираются самцы и оспаривают друг у друга свидетельства расположения со стороны самок. Здесь же собираются и самки и кокетничают с самцами. Входы в беседки украшаются множеством красиво окрашенных или блестящих предметов. Раковины, зубы, пестрые камни, кости, кусочки цветной материи, синие перья от хвоста попугая, даже украденные у человека наперстки, ракушки, синие, красные и черные ягоды и т. п. – все это приносят птички в беседки, складывают или располагают в искусном порядке и возятся с ними во время своих любовных игр. Пестрые и блестящие предметы эти служат, вероятно, чтобы привлечь самок для половых сношений. С уверенностью об этом, конечно, ничего сказать нельзя, как и о темных пока побудительных причинах, заставляющих сороку, ворону и других птиц красть и запрятывать блестящие предметы, например, из серебра, или драгоценности.

Здесь уместно привести также мнение популярного писателя:¹⁹ «Инстинкт половой любви присущ всем животным. Но и у всех животных можно заметить, что инициатива предложения принадлежит самцу и что за это между обеими сторонами заключается нечто вроде контракта, причем самец за доставленное ему наслаждение обязывается защищать самку, или даже доставляет ей пищу».

В общем, остается, однако, верным положение, что проституция есть специфически человеческое явление, сущность которого должна быть по возможности ясно и полно выражена в точном определении понятия «проституция».

Первый организатор проституции Солон (около 630–560 лет до Р. Х.), согласно сообщению Филемона у Атеней,²⁰ покупал женщин и выставял их «в общее пользование, готовых к услугам за внесение одного оболы» (около 7 коп. на нынешние деньги).

Это старейшее определение проституции уже отмечает ее главнейшие признаки: отдача себя многим, часто меняющимся лицам («в общее пользование»), полное равнодушие к личности желающего того мужчины («готовых к услугам») и отдача себя за вознаграждение («за один обол»). Да и самое слово «проститутка», приписываемое обыкновенно римлянам, встречается уже в упомянутом сообщении о первом организованном Солоном публичном доме,

¹⁷ Gould, Handbook to the Birds of Australia, London, 1865, т. 1, стр. 300, 308, 444–461.

¹⁸ Изображение такой беседки имеется в сочинении Дарвина «Происхождение человека и половой подбор», т. II, рис. 46 (к стр. 262). Перев. проф. Сеченова, 1896 г.

¹⁹ Geheimnisse der Prostitution. Enthullungen aus dem Leben der Boherne galante aller Lander. Von Dr. d'Henri, Leipzig 1871, стр. 5.

²⁰ Athenaei Deipnosophistae e recognitione Augusti Meineke, Leipzig 1859. Vol. III, p. 26 (книга XIII, стр. 569e).

причем проститутки обозначаются в этом отчете, как существующие в борделе для продажи («prostasai») (Athenaeus lib. XIII, cap. 25, p. 569 d.). Римское слово «prostare» – продаваться публично, проституироваться – так же как и существительное «prostibulum» образовалось, следовательно, из слов продажная девка, проститутка.

Но если законодательство Солона дало, таким образом, первую и самую ценную основу для точного определения проституции и проститутки, то у римлян мы находим для этого гораздо более богатый материал. У римлян собственно продажная девушка, *porne*, получила, различные весьма характерные названия. Это можно видеть уже в комедиях Плавта (254–154 до Р. Х.), написанных еще вполне согласно греческим образцам. Он упоминает «*quaestuosa*»:

«Одна из тех, которые охотно
Зарабатывают (*quaestuosa*), тело свое питают при помощи тела».

(Miles gloriosus. Действ. III, Сц. 1).

В пьесе «Cistellaria» (акт 2, сц. 3) он говорит о девушках, которые «добывают себе приданое собственным телом». Кроме «*quaestnosa*» Плавт употребляет еще для проституток названия «*meretrix*» (от слова «*merere*», зарабатывать, именно непотребством), «*prostibulum*» (от «*prostare*», стоять перед публичным домом), «*prosedae*» (от «*prosedere*», сидеть перед публичным домом). Грамматик Нониус Марцеллус (3 г. после Р. Х.) определяет разницу между *meretrix*, или *menetrix*, и *prostibulum*: первая занимается своим ремеслом в более приличных местах и в более приличной форме – она остается у себя дома и отдается только в темноте ночной; между тем как «*prostibulum*» день и ночь стоит перед борделем. При этом он точно также ссылается на Плавта.²¹ Здесь мы, несомненно, имеем первое определение свободной, или тайной, проституции и проституции публичных домов, определение же Солона относилось только к последней. Тем самым понятие о проституции в отношении к низшей форме ее – гетеры не причислялись сюда – расширилось. *Meretrices* смотрели с презрением на *prostibula* и *prosedae*, клиенты которых рекрутировались из низших слоев народа и из рабов. В этом отношении характерны слова, с которыми обращается в пьесе Плавта, «*Poenulus*» (акт 1, сц. 2, стихи 53 и след.) *meretrix* Адельфазион к своей сестре Антрастилис:

Du hast doch wohl
Nicht Lust, dich hinzudrängen zu dem Hurenpack (*prosedas*),
Zu Bäckermetzen, Abschaum aus den Mühlen, voll
Morast, gemeinen Sklavenmenschern, an denen sich
Der Standort: Stall, Leibstuhl und Stühlchen, riechen lässt;
Die nie ein freier Mann berührt, noch mit sich nimmt,
Zweipfennigshuren (*scorta diobolaria*), schmutziger Sklaven
Zeitvertreib.²²

(Но ты ведь не хочешь, надеюсь, присоединиться к сброду проституток, непотребных женщин, к мельничным отбросам, полным грязи, к рабым людишкам, от которых пахнет их местопребыванием – конюшней, судном; к которым никогда не прикасается ни один свободный

²¹ Noni Marcelli Compendiosa Doctrina emendavit et adnotavit Lucianus Muller, Leipzig 1888, Bd. II, S. 4–5: Inter *menetricem* et *prostibulum* hoc interest, *menetrix* honestioris loci est et *quaestus*; nam *menetrices* a *manendo* dictae sunt, quod *copiom* sui tantum modo noctu facerent; *prostibula*, quod ante *stabulu-i* starent *quaestus* diurni et nocturni causa. Plautus in *Cistellaria* manifestissime *discrevit*: *intro ibo, nempe meretricem adstare in via solam prostibuli sanest*.

²² Titus Maccius Plautus, Lustspiele deutsch v. Dr. W. Bunder. Stuttgart 1867, Bd. II. Der junge Carthager (*Poenulus*), S. 42

мужчина и не берет их с собой; к грошовым проституткам, с которыми проводят время лишь грязные рабы).

Как «*fornicatrix*», публичную женщину, Изидорус из Севильи обозначает в своей Этимологии (книга X, 182), женщину, тело которой продается публично всем (*publicum ac vulgare est*), и притом именно под арками (*fornices*) городской стены – отсюда название «*fornicatrix*».

Коротко и ясно, но собственно вполне исчерпывающе, определяет характер проститутки одна надпись на стене Помпеи:²³ «*Lucilla ex corpore lucrum faciebat*», Люцилла извлекала выгоду из своего тела. Таково приблизительно и современное определение Иозефа Шранка, который называет проституцию «непотребным ремеслом, которое совершается над человеческим телом».

Величайшее значение для более точного определения проституции и для разграничения ее от других форм внебрачных половых сношений имеют знаменитые определения и исследования римского права, прежде всего – Ульпиана. Выводы его находятся в дигестах Юстиниана (*Lib. XXIII, Titul II, 43, §§ 1–3*). Они гласят:²⁴

«Публичным непотребством, как ремеслом, занимается не только та, которая проститутруется в доме терпимости, но и та, которая бесстыдно продает себя – как это обыкновенно бывает – в увеселительном кабачке или в другом месте. Но под словом «публично» мы разумеем «всем и каждому, т. е. без выбора», – следовательно, не такую женщину, которая отдалась, нарушив супружескую верность, или благодаря насилию, а такую, которая живет наподобие девки из публичного дома. А потому о женщине, которая имела половые сношения за денежное вознаграждение с одним или двумя мужчинами, нельзя еще сказать, что она публично занимается непотребством, как ремеслом». С другой стороны, Октавенус совершенно верно говорит, что и та женщина должна быть причислена к проституткам, которая публично отдается многим и без вознаграждения.²⁵

Весьма любопытно, что римские юристы плату за половой акт, как таковую, еще не рассматривают, как проституцию. Они, очевидно, придерживались того мнения, что денежное вознаграждение не составляет сущность проституции, что оно не позорно, как эта последняя, а зависит только от отношения между мужчиной и женщиной. Как человек, знающий свет и людей, Ульпиан знал также, как часто женщина, занимающая зависимое общественное положение, старается получить какие-нибудь преимущества за то, что она отдается, нисколько не поступаясь при этом: своей «честью» и не имея основания опасаться, что она потеряет уважение общества и что ее не будут больше считать «честной женщиной». Не существует ли у пассивной в половом отношении женщины глубокая физиологическая склонность требовать от мужчины эквивалента за жертву, которую она приносит ему, неограниченно отдаваясь его любовным ласкам? Не распространена ли такая форма «продажности» женщины гораздо больше, чем проституция? Нет ли достаточно основательных причин считать последнюю лишь крайним проявлением этой глубоко коренящейся потребности, с которой она связана, следовательно, органически? Жаннель был близок к этой мысли, когда полагал, что для менее способной добывать средства к существованию и менее активной в половом отношении женщины половые отношения влекут еще за собой последствия и тягости материнства, и что отсюда истекает стремление женщины требовать чего-нибудь взамен и готовность мужчины предоста-

²³ *Corpus inscriptionum Latinarum Vol. IV; Inscriptiones parietariae Pompejanae etc. ed. Carolus Zangemeister, Берлин 1871, стр. 125 № 1948 (стенная надпись одной базилики).*

²⁴ Цитировано по изданию «*Corpus juris civilis*» А. М. Kriegel, E. Hermann u. Ed. Osenbruggen, Leipzig, 1858, Bd. I, S. 370.

²⁵ *Palam questum facere dicemus non tantum earn, quae in Iupanario se prostituit, verum etiam si qua, ut assolet, in taberna cauponia, qua alia pudori suo non parcat. § 1. Palam autem sic accipimus, passim, hoc est sine delectu; non si qua adulteris vel stupratqribus se committit, sed quae vicem prostitutae sustinet. § 2. Item, quod cum uno et altero pecunia accepta commiscuit, non videtur pa- am corpore quaestum facere. § 3. Octavenus tamen rectissime ait, etiam earn, quae sine quaestu palam se prostituerit, debuisse his connumerari».*

вить ей часть продукта своего труда. Вот почему, по мнению Жаннеля, абсолютное устранение проституции (в самом широком смысле этого слова) невозможно; можно только стремиться к искоренению ее крайности, так называемой «публичной проституции».²⁶

В беседах Фридриха Великого с Генри де Кат²⁷ имеется характерный анекдот, прекрасно иллюстрирующий взгляд римских юристов, что половые сношения за вознаграждение не относятся обязательно к проституции, а бывают часто и помимо нее.

«Мы говорили о воспитании.

– Если желаешь руководить людьми, сказал король, то главное – знать их вкусы, взгляды и слабости. Слабости есть у всех нас. Моя бабушка из Ганновера спросила однажды французского посланника, чем объяснить, что француженку так легко соблазнить?

«Ваше Величество, – ответил он, – бриллианты!»

«Но кто же продаст себя за бриллианты?»

«Ну, за сто тысяч талеров!»

«Отвратительно – за деньги!»

«За красивое жемчужное ожерелье!»

«Прошу вас, маркиз, ради Бога перестаньте!»

У моей бабушки было большое пристрастие к жемчугам. Это была ее страсть. Видите ли, таковы все люди».

Не считая вознаграждение само по себе существенным для понятия проституции, Ульпиан поставил тем самым преграду для чрезмерного расширения этого понятия. Но и с современной точки зрения мы хорошо сделаем, если будем помнить этот пункт при более точной формулировке понятия «проституция» – он имеет во всех отношениях второстепенное значение. Ясно, что Ульпиан не причисляет к проституткам ни содержанку одного мужчины, ни галантную даму полусвета, получающую содержание, деньги и подарки от немногих, от нескольких известных любовников, и не применяет к ним понятие «публичной» женщины.

Но понятие «публичная» (*palam*) именно и составляет по римскому праву существенный пункт в определении проститутки. Оно включает в себе указание на отсутствие всяких индивидуальных отношений между женщиной и женщиной, и Ульпиан подробно разъясняет его в том смысле, что отдающая себя женщина вступает в половые сношения со всеми, кто этого желает (*passim*), без всякого выбора (*sine delectu*) и за вознаграждение (*pecunia accepta*).

Проститутка по римскому праву есть женщина, которая неограниченно удовлетворяет общему публичному спросу на половые наслаждения.

Все женщины, относящиеся к этой категории, т. е. публично или тайно, в публичном доме или в другом месте, за вознаграждение или без него, с сладострастием или без него, вступают в половые сношения «*passim et sine delectu*», т. е. со многими мужчинами без разбора, – все такие женщины проститутки.

Кроме Ульпиана и Октавенуса, который также исключил денежное вознаграждение, как несущественное, из понятия проституции, нужно еще назвать третьего римского ученого юриста, Марцеллуса, принявшего участие в выработке этого понятия. Он первый формулировал юридически так называемую «тайную» проститутку и характеризует ее, как настоящую проститутку, потому что она вполне удовлетворяет требованиям приведенного выше определения,

---

²⁶ J. Jeannel, Die Prostitution in den grossen Städten im XIX Jahrhundert und die Vernichtung der venerischen Krankheiten, übers. von F. W. Müller, Erlangen, 1869, стр. 76.

²⁷ Gespräche Friedrichs des Grossen mit Henri de Cat, Leipzig, 1885, стр. 11.

в частности, тому, что она предлагает свои половые прелести в общее, публичное («vulgo» по Марцеллусу) пользование.²⁸

К категории проституток относятся, разумеется, и те женщины, которые путем соблазна или насилия побуждают других продаваться публично, следовательно, сводницы, хозяйки домов терпимости и увеселительных кабачков и т. п. (Ulpan Dig. XXIII, Tit. II, 49, §§ 6–9).

Если собрать все эти моменты воедино, то получится следующее исчерпывающее определение проститутки: женщина, которая с целью добывания денег, а также без такой цели, публично или тайно продает себя или других женщин многим мужчинам без разбору, есть проститутка.

Таково классическое понятие о проституции по римскому праву, признанное, в общем, и позднейшими юристами.²⁹ Достойно внимания полное отсутствие мужской проституции в определении в дигестах. Там не говорится ни слова о тех мужчинах, которые занимаются продажей своего тела, как профессией, о проституированных гомо- и гетеросексуалистах мужского пола. Странным образом исключены также, по-видимому, сводники, хозяева борделей и увеселительных кабачков, в то время как сводницы и хозяйки названных заведений причислены к категории проституток. Только «lepa», но не «lepo» принадлежит к проституированным.³⁰

Наконец, нужно еще заметить, что римское право строго отличает проститутку, «mulier quaestuaría», от других представительниц свободных половых сношений: от «concupina», «pellex», «atica» или «delicata».

«Concupina» (Dig. XXV, Tit. VII, 1–5) или «focaria» была женщина, которая жила с неженатым мужчиной и во всех отношениях занимала положение жены, так что недоставало только узаконения юридическим брачным договором. Между конкубинаткой и женой («matrona», «materfamilias») была, следовательно, разница только в «dignitas».

Pellex, paelex (от греческого *παλλαε*), наложница, была возлюбленной женатого человека и в качестве таковой пользовалась гораздо меньшим уважением, чем конкубинатка. Аулуc Геллиус сообщает, что согласно точному тексту старого, изданного царем Нумой закона, женщину называли «pellex» и считали бесчестной, если она жила в интимной связи с мужчиной, в собственной власти которого уже находилась, для правомерного брачного союза, другая женщина.³¹ Такого рода связи были часты уже во время Плавта, как это видно из его описания в «Mercator» (Действие 4, сцена 6).

Наконец, от проститутки отличали также галантную женщину, «atica» или «delicata», которая имеет половые сношения лишь с немногими мужчинами по выбору и потому исключается из определения Ульпиана. Это то же самое, что наш «полусвет», или та категория продажной женщины, которой Овидий исключительно посвятил свое произведение «Искусство любить». Как неоднократно объясняет поэт, оно отнюдь не относится к проституткам. Послед-

²⁸ Dig. libr. XXIII, Tit. II, 41: Probrum intelligitur etiam in his mulieribus esse, quae turpiter viverent, vulgoque quaestum facerent, etiamsi non palam.

²⁹ Ср., например, J. A. Gerstlacher, Tractatus medico-legalis de stupro in usum eorum qui jurisprudentiae et medicinae operam dant praecipue eorum qui in toro versantur, Erlangen 1772, S. 30: «Per leges et Jureconsultos ne foemina quidem mercede conducta meretrix iudicatur, modo suum non vulget corpus et quibuscunque praebeat passim petentibus, quamvis enim femina ista, mercede conducta, usuram ex suo accipiat corpore, ex usu tamen non quorumcunque auorum, sed sous conductoris est, ad essentiam autem foeminae meretricis per leges et Jureconsultos simpliciter necessarium esse videtur, ut non uni tantum, sed quibus- cunque et passim petentibus suum offerat corpus, pudicitiamque in propatulo habeat. Ista autem Jureconsultorum definitio, qua meretricem appellant foeminam, quae formam passim exhibet venalem, manca certe mihi quidem videtur; non sola enim foemina ista, quae suum vendit corpus, et venalem exhibet quaestus gratia formam sed ista etiam, quae ex libidine passim petentibus sui facit copiam».

³⁰ Dig. XXIII, Tit. II, 43, § 6–9: § 6. Lenocinium facere non minus est, quam corpore quaestum exercere. § 7. Lenas autem eas dicimus, quae mulieres quaestuarías prostituunt. § 8. Lenam accipiemus et earn, quae alterius nomine hoc vitae genus exercet. § 9. Si qua sauponam exercens in ea corpora quaestuaría habeat, ut multae assojent sub praetextu instrumenti sauponu prostitutas mulieres habere, dicendum, hanc quoque lenae appellatione contineri.

³¹ Die attischen Nachte des Aulus Gellius, übersetzt von Fritz Weiss, Leipzig 1875, Bd. I, S. 231 (Buch IV, Kap. 3 § 3).

них он строго различает от галантных девушек, половая жизнь которых, по его описанию, носит безусловную печать индивидуальных отношений и выбора, хотя они и отдаются почти исключительно за вознаграждение.

Определение римского права послужило основой для всех определений позднейшего времени вплоть до настоящего. В общем, эти определения можно разделить на две большие группы. Первая больше подчеркивала «*passim et sine delectu*», вторая – «*pecunia accepta*» дигест. Первая видит сущность проституции в «публичном непотребстве», вторая – в «продажности» проституированной женщины.

Христианское воззрение, как оно выразилось в учениях отцов церкви, канонического права и нравоучительного богословия, больше смотрело на проституцию, как на общее половое смешение, на промискуитет. Знаменитое определение святого Иеронима³² в 128 послании к Фабиоле гласит: «*Meretrix est quae multorum libidini patet*» (Проститутка есть женщина, которая отдается похоти многих мужчин).

Теологи и юристы комментаторы этого места вдавались преимущественно в анализ понятия «много мужчин», связывая с ним самые странные вопросы. Один полагал, что нужны, по крайней мере, 40 мужчин, чтобы оправдать наличие проституции. Другой требовал для этого 60 мужчин. А один даже соглашался лишь в том случае прилагать к женщине эпитет проститутки, если она отдалась не менее чем 23.000 мужчин!³³

А с другой стороны, доведенный до крайности юридический ригоризм в отношении к «*uno et altero*» дигест до такой степени ограничивал понятие «многие», что однократного сношения с тремя мужчинами за плату оказывалось достаточно, чтобы установить наличие проституции, в то время как трехкратное сношение за деньги с одним мужчиной не было бы проституцией.³⁴

Расширение понятия «проституция» в смысле христианских воззрений ясно заметно в определении «*Constitutiones apostolicae*» (Liber VIII, cap. 27), принадлежащих третьему христианскому веку: «Проституция (*scortatio*) есть порча собственного тела, которое употребляется не для произведения детей, а которое только жаждет сладострастия, что служит признаком разврата, а не добродетели».³⁵

В каноническом праве признаком проститутки считается доступность ее всем и продажность.³⁶ А католическое нравоучительное богословие называет проституткой женщину, которая продается всякому встречному и публично предлагает себя.³⁷

Но согласно христианскому учению, проституция есть только известная форма разврата (*fornicationis genus*), т. е. внебрачных половых сношений, которые оно клеймит так же, как

³² P. Dufour (Paul Lacroix), Histoire de la prostitution, Bruxelles 1861, Bd. III, S. 108.

³³ M. Rdbutaux a. a. O. S. 120–121 (Glossa ad Can. 16. distinct. 34). Ср. также Benedicius Carpov, Practicae novae imperialis Saxonicae rerum criminalium editio nona, Lipsiae 1695 Pars II quaest. 70 no. 2, p. 159. – S. Chr. Ursinus de quaestu meretricio, Halle 1737, S. 5.

³⁴ Ср. напр. замечательные выводы у Jo. Henr. Berger, Electa Jurisprudentialiae criminalis, Leipzig 1721, S. 419 (Observatio CLV): Ab uno tribus vicibus, quantumvis intercedente quaestu, stuprata pro meretrice habenda non est. – Ut meretrix dicatur, minime tres actus, uque dixerti ratione agentium, requiruntur, quanquam Glossa (numerus certum ponens pro incerto) earn demum meretricem vocat, quae 23.000 homines admisit. Ex quo consequitur, respiciendum esse non tam ad frequentiam actus, qxiam ad agentium plurdlitatem. Ita ab uno stuprata trinis vicibus et amplius, etiam quaestu intercedente, pro meretrice haberi nequit, atque adeo nec stuprator liberatur a dotatione et alimentatione infant's, quamvis stupatra deinceps in matrimonio, cum alio inito, pepererit infan tern.

³⁵ Scortatio corruptio est propru corporis, quae non adhibetur ad generationem filiorum, sed tota ad voluptatem spectat, quod est indicium incontinentiae non autem virtutis signum. – Zitiert nach Dufour a. a. 0. Bd. III, S. 111.

³⁶ «Meretrix est quae multorum libidini patet cujus publice venalis est turpitudine» (Corpus juris canonici ed. Lipsiensis secunda. ed. Aemilius Friedberg, Leipzig 1879, Pars prior col. 1130 (Decreti secunda pars causa XXXII Quaest IV. c 11); vgl. ferner Decretum Gratiani emendatum una cum glossis Gregroru XIII. Pont. Max. Jussu editum ed. ultima, Taurini 1620, col. 1618).

³⁷ Quoad meretricium, istud fornicationis genus est concubitus cum prostituta, id est cum muliere omni viro occurrenti parata, publica et communiter venali. (Moechialogie par le Père Debreyne. 5me edition, Paris 1874, S. 92 bis. 93). Ebenso J. B. Bouvier, Dissertatio in sextum decalogi praeceptum Cap. II. § 3 (12. Aufl., Paris 1850); Lupellus, Tractatus de castitate, Paris 1858, Bd. II, S. 27; D. Craisson, De rebus venereis ad usum confessoriorum, Paris 1870, S. 23.

проституцию.³⁸ Римское же право, напротив, как мы видели, очень резко отличало проституцию от других форм внебрачного сожительства (конкубинатка, метресса, дама полусвета) и выражало публичное презрение только первой.

Кроме римского права и христианского учения, мы должны еще назвать, как третий источник выработки понятия проституции, германское право. Воззрение его аналогично христианскому, в том смысле, что и оно также не проводит строгого различия между проституцией и внебрачным распутством. Вот почему древнее немецкое слово «Hure»³⁹ (блудница) равно обозначает падшую, лишенную девической чести девушку, развратную женщину и нарушительницу супружеской верности, любовницу и, наконец, продающуюся за деньги публичную женщину. Таким образом, оно некогда охватывало все виды внебрачных половых отношений. По выражению старого Маалера, «hurei» называлось всякое внебрачное сожительство, все равно, с замужней ли женщиной, или другими женами и дочерьми, запрещенное законом «stuprum, flagitium, fornicatio, probrum».⁴⁰

Особые признаки проституции впервые приняты во внимание в вестготском своде законов. Там сказано: «Если рожденная свободной (ingenua) девушка, или замужняя женщина публично занимается в городе развратом (fornicationem) и если стало известно (agnoscatur), что она проститутка (meretrix) и часто застигнута была при нарушении супружеской верности; если она далее, как то доказано, без всякого стыда беспрерывно (jugiter) завлекает многих мужчин своим позорным поведением (consuetudinem), то такая женщина должна быть задержана штадтграфом и публично подвергнута тремстам ударам кнута и т. д. И если она совершает прелюбодеяние с вedomо своего отца или своей матери, и зарабатывает своим позорным поведением и половыми сношениями пропитание себе или своим родителям, то и они должны быть подвергнуты ударам кнута».⁴¹

Затем закон содержит дальнейшие определения относительно несвободной служанки, которая проституируется ради собственных выгод или ради выгод своего господина.⁴²

Отсюда видно, что германский взгляд на проституцию подчеркивал в особенности публичность, большое число мужчин и непрерывное занятие непотребством. Далее проводилось

³⁸ Так, в епитимиях проститутками неоднократно называются просто женщины, которые потеряли девственность при внебрачных половых сношениях. В Roenitientiale Hubertense (франкского монастыря, св. Губертуса в Арденнах), например, сказано: «Be meretricibus. Si quis fomicaverit cum his feminis, qui cum alius fornicaverunt et virginitatem amiserunt vel viduis, III annis poeniteat, monachus vero VII». (Цит. по F. W. 3. Wassersleben. Die Bussordnungen der abendlandischen Kirche, Halle 1851, S. 379). – Ср., напротив, весьма обстоятельное определение в «Corrector» Burchard V. Worms'a, (у Wassersleben'a а. а. О. стр. 663), который обозначает, как проституцию, «сводничество своим собственным или чужим телом, продажу своего собственного или чужого тела» многим любовникам (amatores).

³⁹ См. статью «Ниге» в: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, B. IV, zweite Abtheilung, bearbeitet von Moritz Heine, Leipzig 1877, Spalte 1958–1960. – Далее: W. E. Wilda, Das Strafrecht der Germanen. Halle 1842, S. 809. – Des Schwabenspiegels Landrechtsbuch, herausgeg. v. E. G. Gengler, Erlangen 1853, S. 119. (Cap. 173, § 13).

⁴⁰ Deutsches Wörterbuch von Grimm, а. а. О., Spalte 1960. – И в Капитулах Жарла Великого также fornicatio обнимает «adulter, luxuriosi и meretrices» (Capitula c. VI, tit. 312 в Codex Legum antiquarum ed. Lindenbrog, Frankf. 1613, S. 1032–1033).

⁴¹ «Si aliqua puella ingenua sive mulier, in civitate publice fornicationem exercens, meretrix' agnoscatur, et frequenter deprehensa in adulterio, nullo modo erubescens, iugiter multos viros per turpem suam consuetudinem adtrahere cognoscitur, huiusmodi a Comite civitatis comprehensa trecentis flagellis publicis verberetur... Et si forte contingat, ut cum conscientia patris sui vel matris adulterium admittat, ut quasi per turpem consuetudinem et conversati'onem vic- tum sibi vel parentibus suis acquirere videatur... singuli eorum centena flagella suscipiant». Leges Wisigothorum, Lib. III tit 4 no. 17. (in: Codex Legum antiquarum ed. Frid. Lindenbrog, Frankfurt, 1613, S. 67).

⁴² «Si vero ancilla cuiuscunque in civitate simili conversatione habitare dinoscitur, a iudice correpta trecentis flageis publice verberetur, et decalvata domino reformetur, sub ea conditione, ut earn longius a civitate faciat conyersari; aut certe tali loco transvendant, ubi penitus ad civitatem accessum non habeat Quod si forsitan nec ad villam transmittere, nec vendere voluerit, et haec iterum ad civitatem reversa fuerit, huiusmodi dominaf in conventu publice quinquaginta flagella suscipiet. Quod si contigerit, ut cum domini voluntate adulterium commisisset, adquirens per fornicationem pecuniam domino suo, et ex hoc publice fuerit convictus, ipse dominus eundem numerum flagellorum, qui superius de eadem continetur ancilla, suscipiat Similiter et de ipsis praecipimus custodiri, quae per vicos et villas iu adulteru consuetudine fuerint deprehensae». A. а. О. S. 67–68.

решительное различие между свободной и несвободной проституткой⁴³ и, очевидно, принималось также во внимание внешнее принуждение к проституции со стороны родителей или господина. Но и здесь также понятие «проституция» строго ограничивается только женским полом.

В определении «*Leges Wisigothorum*» наиболее важное значение имеет, по-видимому, эпитет *jugiter*, который выражает непрерывность публичного торга и с которым мы встречаемся еще также и в позднейших определениях.

Мы видим это, например, в повелении неапольского короля⁴⁴ от 30 ноября 1580 г., в котором проститутками называются женщины «публично день за днем позорно продающие свое тело за деньги» (*quelle donne, le quali pubblicamente et cotidiamente vendono il corpo loro per danari disonestamente*). Немецкие авторы говорят о продаже себя «днем и ночью». Так, один старый словарь⁴⁵ называет проститутку (*Hure*): «распутная и похотливая баба, которая за жалкий барыш днем и ночью продает себя всякому распутному мужчине или, как выражаются поэтому некоторые, вступает с ним в блуд (*verheuret*), потому что блудом (*Hurerey*) называется, когда два свободных лица соединяются из похоти». И Урсинус⁴⁶ также придает большое значение непрерывному занятию развратом.

Такая непрерывная отдача себя представляет известное состояние, известный образ жизни. И это-то состояние, этот-то образ жизни и составляет собственно сущность проституции. Она обуславливается не одним только деянием или местом.⁴⁷ Характерный отпечаток проституции придает не каждый единичный «акт», как выражаются католические моралисты-теологи, а «*libidiosa vita*», «*status meretricus*», «*habitus peccati*».⁴⁸

И здесь также до смешного старались установить необходимый для определения проституции минимум. Так, Салицетус⁴⁹ полагал, что лишь та женщина может быть названа публичной, которая по меньшей мере в течение 20 часов отдавалась в публичном доме!

Влияние определений римского, канонического и германского права сказывается во всех новых определениях проституции от 17 до 20 века. В то время как в знаменитом «уголовном судопроизводстве» императора Карла V, в так называемом «*Carolina*», проституция вообще не упоминается,⁵⁰ в юридических сочинениях 17 и 18 века обыкновенно принимается в полном объеме определение проституции по римскому праву, как лучшее.⁵¹ В 19 веке замечаются многочисленные интересные попытки фиксировать определение проституции в юридическом, социологическом и биологическом смысле, причем либо особенно подчеркивали отдельные пункты в определении дигест и ставили их в центре данного нового определения, либо старались развить и расширить понятие канонически-германского права.

Юристы, однако, относительно мало занимались точным определением понятия «проституция» или разъяснением его соответственно состоянию современной юриспруденции и социологии. Современные уголовные законы останавливаются на этом понятии частью мало,

⁴³ Что несвободные рабыни или служанки представляют у германцев старейший элемент проституции, мы докажем ниже этимологически и исторически.

⁴⁴ Перепечатано у Rabutaux a. a. O. стр. 250–256.

⁴⁵ *Nutzbares, galantes und curioses Frauenzimmer* – Lexicon. Vermehrte und verbesserte Auflage, Frankfurt und Leipzig, 1739, Spalte 732.

⁴⁶ *Simonis Christophi Ursini Commentatio juridica tie Quaestu meretricio*, Halle 1737, S. 15: *ut si quae tarn nocturno quam diurno tempore Viros promiscue in domum suam admiserit.*

⁴⁷ *Etenim non locus, sed vitae genus meretricem facit.* (Ursinus a. a. O. S. 6).

⁴⁸ Ср. L. Craisson, *De rebus venereis ad usum confessariorum*, Paris 1870. S. 23.

⁴⁹ Цит. у Ursinus a. a. O. S. 6.

⁵⁰ Там речь идет только о противоестественном разврате, кровосмешении, соблазнении, изнасиловании, прелюбодеянии, двоеженстве, сводничестве с замужними женщинами и детьми. См. «*Hals-Oder Peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karls V, vom Jahre 1553*». Herausg. v. Curt Muller, Leipzig (Reclam). S. 57–59 (§§ 116–123).

⁵¹ Так, например, у J. J. Beck, *Tractatus de eo quod justum est circa stuprum*, Nürnberg 1743, стр. 8, в дословном переводе.

частью поверхностно. Но в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что вопрос этот принадлежит к самым трудным в уголовном праве, что признают и наиболее проницательные юристы. Такой авторитет, например, как Вольфганг Миттермайер, заявляет: «Наиболее трудная группа это – группа о проституции и сводничестве. Она имеет величайшее общественное значение... Нет другого вопроса в нашей науке, который был бы еще так растяжим, как этот. Нет ни одного, в общественном понимании которого у нас было бы так мало уверенности».⁵²

Другой автор говорит даже о «невозможности» юридического определения проституции. Никто не знает, где она начинается и еще менее – где кончается. Все в этом понятии, по мнению автора, сводится к оценке, а эта последняя всецело принадлежит к области морали. А потому как с юридической, так и с медицинской точки зрения старые определения, по его словам, все более и более признаются совершенно неудовлетворительными⁵³ и оставляются всеми.

Чтобы выяснить и научно установить понятие о проституции, необходимо все более или менее рельефные признаки ее, выступающие в новейших определениях, подвергнуть критическому анализу и получить, таким образом, возможность отделить существенные признаки от несущественных и создать объективное определение. Существенные моменты, которые должны быть приняты здесь во внимание, следующие:

1) Необходимость строгого различения проституции от остальных видов внебрачного удовлетворения полового влечения. Опираясь на каноническое право, многие новейшие авторы отождествляли проституцию со всеми незаконными формами удовлетворения полового инстинкта и тем самым неправильно совершенно стерли границу между ними. Таково, например, определение словаря французской академии от 1835 г., принятое также и Литтре в своем словаре: «Prostitution substantif feminin, Abandonnement a l'impudicite».⁵⁴ Само собой разумеется, однако, что «отдаваться разврату», безусловно, можно и без проституции. Еще менее правильно по существу определение Вардлоу,⁵⁵ который называет проституцией всякие «illicit intercourse of the sexes» (недозволенные сношения между полами). Он даже отвергает всякое различие между «fornicatio» (разврат) и «проституция» и называет проституткой всякую женщину, которая за деньги или безвозмездно «добровольно жертвует своей добродетелью». Он признает, впрочем, что для этого недостаточно одного единственного случая и что на женщину накладывает печать проституции лишь добровольное повторение полового акта (voluntary repetition of the act). Римское право, напротив, различало, как не принадлежащие к проституции формы внебрачных половых сношений, «stuprum» – сношения с незамужней, свободной женщиной и «adulterium» – сношения с женщиной, живущей в браке с другим мужчиной (по Вардлоу, они принадлежали бы к проституции).⁵⁶ Согласно с мнением римского права, современные криминалисты, как Миттермайер⁵⁷ и фон Лист⁵⁸ отличают метрессу, наложницу, «связь» от проститутки. Миттермайер даже не причисляет к проституткам женщину, которая однажды просто ради похоти отдалась «неизвестно кому», т. е. незнакомцу.

Нужно твердо помнить, что кроме брака всегда существовали свободные половые сношения, не принадлежащие к проституции, с которой их и не нужно смешивать, как это сделал Вардлоу.

⁵² Wolfgang Mittermaier, Die Sittlichkeitsdelikte im schweizerischen Strafgesetzbuch. In: Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht, 1907, Bd. 20, S. 229.

⁵³ Outrage public aux moeurs et prostitution. Extrait du Rapport de la Commission legislative de Neuchatel sur un projet de Code penal. In: Revue de morale progressive, Geneve, 1892, Nr. 16–17. S. 187.

⁵⁴ Цит. по O. Commenge, La prostitution clandestine a Paris, Paris 1897. S. 2.

⁵⁵ Ralph Wardlaw, Lectures on female prostitution, Glasgow 1843. S. 17–18.

⁵⁶ Ср. Theodor Mommsen, Das Romische Strafrecht, Leipzig 1899. S. 694.

⁵⁷ W. Mittermaier, Verbrechen und Vergehen wider die Sittlichkeit. In: Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts. Besonderer Teil Band IV. Berlin 1906. S. 158.

⁵⁸ Franz von Lisst, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 16. u. 17. Aufl. Berlin 1908. S. 376.

2) Неопределенная множественность лиц, которым отдается данный субъект, имеет существенное значение для понятия проституции.

Что существенное в «prostare» составляет не «frequentia actus», не частота полового акта, а «pluralitas agentium», множественность лиц, которым отдается проституированный субъект, видно уже из разъяснений дигест, из выражений «passim» и «vulgo» и из того, что понятие «проституция» не применяется ими к половым сношениям с немногими (uno et altero). Эта «pluralitas», множественность, неограниченна, неопределенна. Поэтому проституция налицо, если «субъект вступает в половые сношения с неопределенным числом лиц».⁵⁹

Когда Лист⁶⁰ признает профессиональный разврат, если «женщина отдается каждому мужчине, уплачивающему требуемую сумму»; или когда Ренк⁶¹ видит характерное в том, что «женщина отдается многим мужчинам», то в обоих случаях выражение слишком неопределенно. Дело в том, что неограниченная множественность лиц, предполагающая частую смену их в короткое время, и составляет именно главнейший признак наличности проституции, а слова «каждому» и «многим» этого не выражают. Как указывает и Миттермайер, наличности этой нет при случайной отдаче себя, хотя бы и за деньги. Нет ее и в том случае, когда женщина за деньги отдается многим поочередно, но в течение известного, более или менее продолжительного промежутка времени, имеет всегда только одного возлюбленного. «Эти последние формы сожительства могут внушить сомнение, – говорит Миттермайер, – если случайная отдача себя служит, как профессия, для существенного улучшения средств к существованию, или же если смена любовников слишком частая и скорая». В общем, следовательно, «случайную проституцию» или жизнь на «содержании» нельзя причислять к проституции. В крайнем случае, разве на нее можно смотреть, как на предшествующую ступень проституции. Напротив, к проституции, несомненно, принадлежит, например, поведение страдающей нимфоманией женщины, которая отдается неограниченному числу мужчин без разбора, часто и скоро меняя их, хотя бы она делала это и без вознаграждения. Как мы видели выше, римское право уже относило таких женщин к категории проституток.

3) Постоянная, привычная, непрерывная отдача себя представляет существенный признак проституции.

Он находится в самой тесной связи с упомянутым под № 2 моментом, с «неопределенной множественностью». Так, Густав Беренд⁶² говорит о «постоянных половых сношениях с множеством мужчин». По Рейсу,⁶³ проституцией называется «le commerce habituel qu'une femme fait de son corps». Этот-то момент постоянства, непрерывности, частого повторения и обуславливает «status meretricus» католической моралистической теологии, имеющий для наличности проституции большее значение, чем число отдельных половых актов, потому что он именно и обуславливает присущую одним только проституткам «habitualement mentis dispositionem».⁶⁴

4) Продажность по отношению ко всем, а не индивидуальное вознаграждение деньгами (либо подарком, либо каким-нибудь преимуществом) определяет сущность проституции.

Вместо «quaestum facere» римского права, каноническое право поставило еще более сильное и определенное выражение, «communiter venalis», понятие о публичной продажности, как характерной для сущности проституции. Эта продажность, как существенная черта, и отличает в действительности проститутку от всех других лиц, состоящих во внебрачных половых отношениях. Тем самым всякое индивидуальное денежное вознаграждение или всякое другое

⁵⁹ Mittermaier a. a. O. S. 158.

⁶⁰ a. Lisst a. a. O. S. 376.

⁶¹ D. Benk, Artikel «Prostitution» im Handwörterbuch der Staatswissenschaften von Conrad, 2. Aufl. Jena 1901. S. 257.

⁶² Gustav Behrend, Artikel «Prostitution» in Eulenburgs Real-Enzyklopedie der gesammten Heilkunde. 3. Aufl. Bd. XIX, Berlin-Wien 1898. S. 436.

⁶³ Reuss, La Prostitution au point de vue de l'hygiene et de l'administration. Paris 1889, S. 2.

⁶⁴ Cp. Craisson a. a. O. S. 23; Debreyne a. a. O. S. 93.

материальное вознаграждение лица, к которому неприменимо понятие о публичной продажности, исключает представление о проституции. Поэтому французские авторы справедливо смотрели на «venalite», как на центральный пункт понятия о проституции.⁶⁵

Это, в самом деле, настолько соответствует действительности, что некоторые определения указывают, как на существенный признак проституции, исключительно на такую продажность. Так, Бляшко⁶⁶ называет проституцией «ту форму внебрачных половых отношений, при которой, с одной стороны, у женщины, побуждением служит не личная склонность и не чувственное влечение – по крайней мере, как преобладающий элемент, – а исключительно или преимущественно нажива».

Проститутка есть *mulier quaestuaria, venalis*, продажная женщина *par excellence*. Систематическая продажа своего тела, профессиональный характер поступков отличает проститутку от других женщин, получающих за половые отношения деньги, подарки или другие материальные преимущества. Уже Овидий (*Amores* I, 10, стихи 63–64) делает это различие:

Geben hass ich auch nicht und verweig'r ich, nur, dass man Lohn
heischt.

Fordre ferner du nicht, was ich versag, und ich geb's.

(Я даю охотно, я только не люблю, чтобы требовали вознаграждения. Не требуй того, в чем я отказываю, и я сам тебе дам это).

Современное уголовное право присоединилось к этому взгляду. Поэтому девушка, получающая большую или меньшую часть своих доходов от «прочной связи», не есть проститутка.⁶⁷ Особа, отдающаяся безразлично кому, но ради собственного удовольствия, даже если она получает за это подарки (пока они не представляют платы), точно так же не может считаться проституткой. Так же мало принадлежит к этой категории женщина, отдающаяся случайно, хотя бы и за плату, и, наконец, даже та, которая за деньги отдается несколькими поочередно, но в течение известного более продолжительного промежутка времени всегда имеет только одного возлюбленного.⁶⁸

Дело в том, что во всех этих случаях отсутствует признак продажности по отношению ко всем, систематического промысла,⁶⁹ исключительного существования благодаря разврату.

Последний пункт особенно подчеркивают Тэт⁷⁰ и Комманж,⁷¹ согласно которым проституция имеется налицо в том случае, когда половые сношения со многими лицами составляют исключительный источник существования.

Отсюда развилось понятие о «*métier debauché*», «*gewerhsmassige Unzucht*», «профессиональном разврате», которое легло в основу постановлений, главным образом, немецкого уголовного права.

⁶⁵ «Dans toute prostitution il y a de la venalite». Leo Taxil, *La prostitution contemporaine*. Paris 1884. S. 7.

⁶⁶ A. Blaschko, *Hygiene der Prostitution und der venerischen Krankheiten*. Jena 1900. S. 36.

⁶⁷ Ср. Frans V. Lissi a. a. O. S. 376.

⁶⁸ W. Mittermaier, *Verbrechen und Vergehen wider die Sittlichkeit* a. a. O. S. 158.

⁶⁹ Поэтому определение Yves Guyot (*La prostitution*, Paris 1882, S. 8): «Est prostituee toute personne pour qui les rapports sexuels sont subordonnes a la question de gain», слишком неопределенно и широко.

⁷⁰ William Tail, *Magdalenism. An inquiry into the extent, causes and consequences of prostitution in Edinburgh*, Edinburgh 1842, S. 2: «The prostitute is generally a person who openly delivers herself up to a life of impurity and licentiousness, who is indiscriminate in the selection of her lovers, and who depends for her livelihood upon the proceeds arising from a life of prostitution».

⁷¹ O. Commenge, *La prostitution clandestine a Paris*, Paris 1897, S. 4: «La prostitution est l'acte par lequel une femme, faisant commerce de son corps, se livre au premier venu, moyennant remuneration et n'a d'autres moyens d'existence que ceux que lui procurent les relations passageres qu'elle entretient avec un plus ou moins grand nombre d'individus».

Так, в «Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten» (Ausgabe Berlin 1835, Zweit. Theil, 2. Band, S. 406, Pars. II, Tit. II, § 999) сказано: «Развратные женщины, желающие промышлять своим телом, должны поступать в публичные дома».

А в § 1023 (стр. 408) речь идет о «женщинах, которые делают из блуда профессию».⁷²

После того прусское уложение о наказаниях в § 146 и уложение о наказаниях германской империи в § 361,6 ввели понятие «профессиональный разврат»,⁷³ которому Оппенгоф (Kommentar des deutschen Strafgesetzbuches 1888 № 42 zu § 361) дает следующее разъяснение:

«Профессиональный разврат имеется налицо, если женщина сделала из постоянных развратных сношений с многими мужчинами источник дохода».

Ренк⁷⁴ говорит о промысле, Нейссер⁷⁵ – о «развратном промысле», а Шранк⁷⁶ – о «развратном промысле человеческим телом», как о существенном признаке проституции, причем Нейссер относит к проституции не только исключительное, но и случайное добывание дохода таким путем. Такого же взгляда придерживается, по-видимому, и юрист Крассель, когда он говорит: «Юридически проституцию можно определить только как отдачу женского тела для удовлетворения полового инстинкта мужчины за вознаграждение, причем обе стороны, из которых одна дает, а другая берет это вознаграждение, считают его условием или предпосылкой этой отдачи. Профессиональность же, напротив, необязательна для понятия проституции, хотя она в большинстве случаев и имеется налицо и, на основании постановлений уголовного и полицейского права, в ней очень уже привыкли видеть признак проституции».⁷⁷

К большинству проституток, впрочем, эпитет публичной продажности, который в свою очередь включает понятие о развратном промысле, безусловно, приложим.

5) Публичное или достоверно известное занятие профессиональным развратом представляет существенный признак проституции.

Сказанное есть часть понятия, содержащегося в слове «*palam*» дигест, которое, как мы видели выше, понималось еще шире; под ним разумели именно женщину, удовлетворяющую общий публичный спрос на половые наслаждения и известную в этом отношении. Уже Марцеллус признавал неопределенность и неточность слова «*palam*» = «публичная», потому что оно могло возбудить мысль, как будто так называемые тайные проститутки тем самым исключаются из понятия «проституция». А между тем Марцеллус справедливо считал их настоящими проститутками, точно так же предоставлявшими свои половые прелести во всеобщее и публичное пользование за деньги. Поэтому он выбрал вместо неопределенного выражения «*palam*» равнозначное ему «*culgo*» перед всем светом, открыто. Это так называемая «*notoriete publique*» французских авторов, которая в послании «*Directoire executif*» от 17 Nivose года IV (7 января 1796 г.) в совет пятисот впервые была применена не только к обыкновенным публичным женщинам, но и к категории тайных проституток, «*filles de boutique*», «*domestiques*» – несомненных проституток, которые под маской «*ouvrieres, marchandes, filles de boutique, domestiques*» предавались проституции и были на этом пойманы.⁷⁸

⁷² Равнозначные выражения в остальных местных законах немецких государств собрал Шмёльдер: «*Die Bestrafung und polizeiliche Behandlung der gewerbsmassigen Unzucht*». Düsseldorf, 1892, стр. 9-10.

⁷³ Vgl. J. D. H. Temme, *Lehrbuch des Preussischen Strafrechts*, Berlin 1853, S. 718; v. Iisz a. a. O. S. 376; Mittermaier a. a. O. S. 158.

⁷⁴ D. Renk a. a. O. S. 257.

⁷⁵ A. Neisser, *Nach welcher Richtung lasst sich die Reglementierung der Prostitution reformieren?* In: *Zeitschrift für Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten* Bd. I, Leipz. 1903, S. 164.

⁷⁶ Josef Schrank, *Die Prostitution in Wien*, Wien 1886, Bd. I, S. 1.

⁷⁷ Franz W. Krassel, *Privatrecht und Prostitution. Eine sozial-juristische Studie*, Leipzig und Wien 1894. S. 15.

⁷⁸ Дословную выписку из этого знаменитого послания см. у А. J. Parent du Chatelet, *De la prostitution dans la ville de Paris*, 3-me edition par Trebuchet, 1857, т. I, стр. 20–23.

Другими словами, эта «*notorieté publique*» говорит: никто не должен сомневаться, что данная особа во всех отношениях ведет образ жизни проститутки («*quae vicem prostitutae sustinet*», Dig. XXIII, Tit. II, 43, § 1), что она активно и пассивно всем доступна, все равно, отговаривается ли она другой профессией или нет. Постоянная связь с публичностью и составляет именно существенный признак проституции, безразлично, заключается ли эта связь прямо в прогуливании по улице, в так называемом «отлете» («*auf den Strich gehen*»), или же она достигается посещением театров, концертов, балов, скачек, курортов и других собраний и увеселительных мест; или же клиенты привлекаются из окна, путем рекламы, раздачей объявлений прохожим, рекомендацией отелей или частным образом при помощи газетных объявлений, например, под прикрытием «массажа» и т. д. и т. д. Отсюда видно, что для «*notorieté publique*» существует много возможностей и что она может быть применена к значительно большей категории проституированных женщин, чем обыкновенные уличные женщины и проститутки из публичных домов.

б) Равнодушие к личности субъекта, желающего вступить в половое сношение, и отсутствие всякой индивидуальной душевной связи между проституткой и ее клиентом составляют существенный признак, характеризующий вполне развитую форму проституции.

Приблизительно так можно толковать «*sine delectu*» римского определения, которое составляет, по Рабюто,⁷⁹ единственный решающий признак проституции. Он говорит: «Истинной проституткой мы называем ту женщину, которая под влиянием вынуждения или свободной воли вступает в половые сношения без всякого выбора, без симпатии или какой бы то ни было другой, хотя бы и чисто чувственной страсти. Как только существует известный выбор – причем мы разумеем под этим словом даже не предпочтение на основании более тонких чувств, а только импульс половой страсти – мы имеем перед собой распущенность, разврат, скандальность, извращение, но не проституцию в истинном смысле этого слова. Отсутствие индивидуального выбора, отдача себя без симпатии – вот что составляет, на наш взгляд, самый общий характер, самый существенный и универсальный признак проституции». По Рабюто, это можно проследить как в религиозной проституции, так и в проституции, связанной с гостеприимством, и в легальной проституции, между тем как продажность, по его мнению, занимает в ней лишь второе место.

Подобно Рабюто, и Мартино⁸⁰ называет проституткой или публичной женщиной ту женщину, которая не выбирает своего покупателя. «Разумеется, – говорит он, – проституткой может быть и та женщина, которая его выбирает, но уже в другом роде; она тогда все же не та абсолютно пассивная «*machine a plaisir*», какой служит первая». Эти слова заключают в себе правду, которую подтвердит всякий наблюдатель и знаток проституток, а именно: что крайнее равнодушие к личности желающего вступить в половое сношение мужчины неоднократно развивается лишь с течением времени и на низших ступенях развратного промысла, причем это вполне естественно вытекает из природы вещей. Половые сношения с многими, часто меняющимися индивидуумами, постепенно притупляют всякие индивидуальные чувства симпатии, внешнего расположения, даже простого полового желания, и приводят к той безнадежной пассивности и равнодушию, которые представляют затем характерный признак старых проституток. Очень метко описал развитие этой черты уже Сенека.⁸¹

Поэтому «*sine delectu*» может считаться характерным признаком лишь для вполне развитой проституции, как общий же признак ее, оно не имеет того значения, какое приписывал ему, как мы видели, Рабюто.

⁷⁹ Rabutaux, a. a. O., S. 123.

⁸⁰ L. Martinean, La prostitution clandestine, Paris 1885, S. 36.

⁸¹ Seneca, De beneficis I, 14 (Opera ed. Frider. Haase, Leipzig 1877, Bd. II, S. 13): «Meretrix ita inter multos se dividit, ut nemo non aliquod signum familiaris animi ferat».

Такого же мнения придерживается и опытный Комманж (а. а. О., стр. 3). Он говорит:

«Je ferai remarquer, qu'une prostituee publique peut trfes bien ne pas choisir son acheteur, mais qu'elle n'est pas forcee, n£anmoins, d'accepter qxiand mhne l'acheteur qui se presente; elle peut refuser, au besoin, qui lui deplait, – l'expression «sine delectu» de la Joi romaine peut ne pas etre toujours exacte... On peut'etre une prostituee et faire commerce de son corps, sans cependant se livrer a la premiere requisition du premier venu».

Правда, если отсутствие индивидуальных отношений между проституткой и ее клиентом понимать в самом широком смысле, т. е. что «проституцией называются всякие половые отношения, при которых нет честного намерения заботиться о благе заинтересованного лица, всякое удовлетворение полового инстинкта, лишненное любви и верности и не считающееся с возможными последствиями» – что, по справедливому замечанию Красселля,⁸² применимо и к некоторым супружествам – то «sine delectu» приложимо, вероятно, почти к каждой проститутке и к каждому акту проституции.

7) Существенный признак проституции составляют не только совокупление, но «половые сношения» в более широком смысле слова.

Уже римское право словами «pudori suo non pareit» довольно ясно выразило, что женщина отдается и в том случае, когда дело не дошло до совокупления, а последовало удовлетворение полового инстинкта клиента другими развратными действиями и актами. Глас народа точно также выражает истину, когда он метко называет проститутку «fille de joie», «Freudenmädchen», «Lustdirne» и т. д., т. е. женщиной, доставляющей половые наслаждения в общем смысле слова.

Поэтому Прадье⁸³ определяет проституцию в широком смысле слова следующим образом: это акт, которым одно лицо предоставляет свое тело для чувственных наслаждений другого в случаях, запрещенных существующими правами. А. Мартино (а. а. О. стр. 35) называет проституцию «commerce de plaisir», т. е. торговлей чувственными наслаждениями для других. Дело идет, следовательно, не только о совокуплении, но и обо всяком другом виде полового возбуждения и полового удовлетворения.

Это прямо установлено также двумя решениями имперского суда.⁸⁴ Первое гласит:

«Под развратом в смысле § 180 уголовного уложения нужно разуметь не только совершенное внебрачное соитие, но и всякий другой акт в сфере половых отношений между несколькими лицами, оскорбляющий чувство скромности и нравственности. А потому под эту статью может быть подведено и установленное в основах решения, служащее для целей разврата поведение кельнерш, которые позволяли гостям сажать себя на колени и трогать себя поверх и под платьем; а в том обстоятельстве, что обвиняемый постоянно содействовал такому образу жизни, признанному судом развратным, создавая подходящий для того случай, можно усмотреть наличность сводничества (§ 180 уголовного уложения)».

Во втором решении сказано:

«Разврат в смысле § 361 № 6 уложения о наказаниях обнимает, наряду с совершением совокупления, такие деяния особы женского пола, которые, в противоречие с законами скромности и нравственности, имеют целью

⁸² F. W. Krassel, Privatrecht und Prostitution, – S. 15.

⁸³ F. H. Pradier, Histoire statistique, medicale et administrative de la prostitution dans la ville de Clermont-Ferrand, Clermont-Ferrand 1859, стр. 1: «La prostitution, dans l'acception la plus large du mot, est l'acte par lequel une personne fait servir son corps aux plaisirs d'une autre, dans les cas defendus par les moeurs».

⁸⁴ Entscheidungen des Reichsgerichts in Strafsachen Bd. XI, S. 4, (Leipzig 1885), und Bd. 37, S. 303–306 (Leipzig 1905).

возбуждение или удовлетворение чужого полового инстинкта путем действия собственным телом».

В случае, подавшем повод для этого определения, уголовный суд считал доказанным, что: обвиняемая Б. за плату состояла с свидетелем К. в «извращенных половых отношениях», и что свидетель К. неоднократно платил обвиняемой Х. за то, что она его массировала, причем массаж производился таким образом, что у К. наступало истечение семени».

Согласно изложенному не подлежит, следовательно, сомнению, что женщина, занимающаяся развратным массажем, флагагелляцией, мазохистскими процедурами, развратными позами и т. д., как промыслом, с целью вызвать у неопределенного количества мужчин половое возбуждение или дать им половое удовлетворение, точно так же должна считаться проституткой, как и женщина, занимающаяся совокуплением, как профессией. Притворные «массажистки» и «строгие воспитательницы», следовательно, не что иное, как настоящие проститутки.

Таким образом, если всякого рода профессиональные предложения полового возбуждения и удовлетворения другим лицам составляют существенный признак проституции, то собственное половое возбуждение отдающегося субъекта несущественно для понятия «проституция». Невозможно, конечно, сомневаться, – как допускало уже и римское право, – что небольшая часть женщин систематически отдается неопределенному количеству мужчин из одной только чувственности, и что многие отдающиеся за деньги женщины, в особенности вначале, испытывают при этом половое удовлетворение и частью действуют по мотивам полового характера.

Тем не менее, в общем, остается верным то положение, что для большинства проституток половое удовлетворение, при выполнении ими своего ремесла, не играет роли, и что в большинстве случаев они ищут его у сутенеров или у других любовников.

8) Принадлежность к женскому полу не есть существенный признак проституции.

Как мы уже указывали выше, римское право применяло понятие «проституция» только к лицам женского пола, как в отношении собственно проституции, так и в отношении сводничества. К этому взгляду присоединились также каноническое и германское право. Все они не знают ни мужской проституции и сводничества, ни лесбической любви между женщинами. Для них проституция возможна лишь между лицами разного пола.

Такой взгляд на вещи сохранился и до новейшего времени и ясно выражен в уголовном законодательстве различных стран. Определение проституции всюду распространяется только на женщин.⁸⁵

Ренк (а. а. О. стр. 257) даже прямо говорит, что он считает целесообразным исключить из рамок проституции предложения мужчин, мальчиков и даже животных с целью удовлетворения полового инстинкта, так как эти виды половых отношений должны рассматриваться скорее как противоестественный разврат и должны подлежать совершенно другому воздействию.

Что этот аргумент не выдерживает критики, понятно само собой, так как «противоестественный» разврат может, конечно, практиковаться и между мужчиной и женщиной и действительно часто встречается в жизни проституток. Кроме того, Ренк совсем не принимает во внимание лесбическую любовь. Наконец, против него говорит еще и тот факт, что мужская профессиональная проституция обнаруживает все признаки истинной проституции.

Поэтому Беренд (а. а. О. стр. 436) справедливо включил в понятие проституции гомосексуальную женскую и мужскую проституцию. Современное же законодательство, всецело находящееся еще под влиянием римского права, знает только женскую проституцию, если не считать упоминание о мужской проституции в английском Vagrancy act 61 и 62, Viet. гл. 39 стр.

---

⁸⁵ Vgl. Mittermaier, a. a. O. S. 158.

1 и в § 4 датского закона о телесных наказаниях.⁸⁶ Этот пробел еще, следовательно, предстоит заполнить в будущем.

9) Понятие о вполне развитой проституции предполагает постоянство в типе и образе жизни отдельных проституированных индивидуумов, главным образом, приобретенное благодаря развратному промыслу, а в меньшей доле зависящее от врожденного предрасположения.

Из дальнейшего изложения этого сочинения мы познакомимся с тем фактом, что известные характерные свойства проституток типичны для них и встречаются всюду и во все времена. Эти типичные особенности проституток, совокупность которых создает известное постоянство типа каждого индивидуума в отдельности, несмотря на смену различных явлений проституции, составляют, главным образом, продукт развратного промысла и всей вообще среды, в которую очень скоро попадает проститутка. Благодаря общественному давлению, психическому заражению и подражанию, она все больше и больше приспособляется к этой среде, пока совершенно не растворится в ней. Так объясняется в большинстве случаев биологический феномен проституированной женщины с удивительным постоянством ее признаков. Гораздо меньшую роль играет в этом постоянстве врожденная склонность к проституции. Но что она существует, доказали Ломброзо и Тарновский. Кроме того, установлено также, что у проституток во многих случаях наблюдается физическое и психическое понижение типа (*Minderwertigkeit*). Но наиболее могущественным фактором образования относительно однообразного и постоянного типа проститутки, существовавшего во все времена, является все же дегенерирующее и в то же время нивелирующее в известном направлении влияние промысла и образа жизни проституток.

В результате этого критического исследования отдельных признаков проституции, мы получаем следующее, насколько это вообще возможно исчерпывающее определение проституции:

Проституция есть определенная форма внебрачных половых отношений, отличающаяся тем, что вступающий на путь проституции индивидуум постоянно, несомненно, и публично отдается, более или менее без разбора, неопределенно большому числу лиц; редко без вознаграждения, в большинстве случаев промышляя продажей своего тела для совокупления или других половых деяний с этими лицами, или вообще доставляя им и удовлетворяя их половое возбуждение и провоцируя его; причем проституированный субъект, вследствие своего развратного промысла, приобретает определенный постоянный тип.

Таково определение проституции в ее существенных чертах и в ее совершенном развитии. В этом смысле, ни «связи», ни «содержанки» – как это само собой вытекает из нашего изложения – ни в юридическом и социологическом, ни в биологическом отношении не принадлежат к проституции. Эти формы внебрачных отношений должны быть выделены из понятия «проституция». Но тем самым отнюдь не исключается их тесная связь с проституцией при современных социальных условиях. Как предпосылки, предварительные ступени и переходные формы проституции, они должны приниматься во внимание в описании ее, хотя согласно строго научному определению и не принадлежат к ней.

С другой стороны, благодаря подбору слов «вообще доставляя им и удовлетворяя их половое возбуждение и провоцируя его», в общее понятие «проституция» включается также сводничество, к которому в известном смысле принадлежит и способствующее развитию проституции и провоцирующее ее сутенерство. Действительно, и то, и другое можно назвать косвенной проституцией – как мы уже видели, римское право тоже причисляло сводниц к проституткам.

---

⁸⁶ Mittermaier, a. a. O. S. 158.

Глава вторая

Первичные корни проституции

Современная проституция по своей организации и по тем общественным формам, в которых она проявляется, представляет, в общем, продукт и пережиток классической древности, как мы это подробнее рассмотрим в следующей главе. Но первичными корнями своими она достигает до первобытных времен человечества. История первобытного мира и сравнительная этнология дают нам точку опоры для обнажения элементарных корней проституции, которыми она питалась всюду и во все времена, без которых она бы не возникла, и которые еще и теперь составляют глубочайшую сущность ее.

Рядом с высшей культурой, с быстро прогрессирующей цивилизацией, с ростом духовного развития отдельных личностей, как носителей культуры, проституция представляет архаически примитивное явление, в котором ясно заметны последние остатки свободной и необузданной жизни первобытного человечества, находившейся под исключительным влиянием инстинкта – той элементарной сексуальности, которую Платон обозначил, как вечно живое «животное в человеке», независимое от всякой культуры и всякого духовного развития и сохраняющее своего рода самостоятельность и неизменность. Отсюда возникает известное противоположение культуре, дисгармония, которую, быть может, всего лучше можно выразить, если сказать, что физиологическое оказывает здесь патологическое действие.

Такого мнения придерживается, по-видимому, и Фиркандт,⁸⁷ когда он говорит: «В особенности волнения и страсти, группирующиеся вокруг половых аффектов, с их нередко ужасными последствиями вплоть до самоубийств, обнаруживают в нашей совершенной культуре еще одну победу дикой природы. Если рассматривать современное состояние с точки зрения истории развития, то область произвольной психической жизни покажется нам подобной поздней надстройке верхнего этажа, в то время как в животной природе элементарных психических функций еще кроется наследие прежних времен, которое мы бы так охотно стряхнули с себя. Здесь нам снова бросается в глаза факт преемственности и его обоюдоострое значение. Выше мы уже указывали, как благодетельна и необходима для всей вообще исторической жизни связь поколений. Но действие ее столь же стеснительно в смысле радикального освобождения от прошлого, так как благодаря ей переживания и приобретения прежних поколений продолжают оказывать свое действие еще до самого отдаленного времени».

Первобытная история человека дает лишь скудные сведения о первобытной половой жизни, в которой коренится проституция, и последний пережиток которой она составляет. Главными нашими знаниями по этому вопросу мы обязаны сравнительной этнологии, объектом которой служат как культурные, так и первобытные народы.

Особенно важный материал для суждения о первобытных условиях половой жизни дает нам, как часть этнологии, сравнительная история нравов и права,⁸⁸ так как она указывает остатки первобытного состояния и в новейших учреждениях, обычаях и нравах и обнаруживает их преемственность в течение тысячелетий. Преемственность же эта в свою очередь дает возможность сделать обратные выводы относительно доисторических условий и связать их с немногими достоверными фактами, установленными пока для половой жизни первобытных времен. Таким путем удастся доказать непрерывную связь явлений, первобытной половой жизни от доисторического периода до наших дней.

---

⁸⁷ Alfred Viercandt, *Naturvolker und Kulturvolker. Ein Beitrag zur Sozial- psychologie.* Leipzig 1896. S. 336.

⁸⁸ Ср. две превосходные, напечатанные в одной книге статьи: Albrecht Dietrich, *Ueber Wesen und Ziele der Volkskunde*, и Hermann Usener, *Ueber vergleichende Sitten und Rechtsgeschichte* – Leipzig, 1902.

Вопрос о первобытных половых отношениях занимал еще поэтов древности и для нашей темы не безынтересно проследить их поэтические фантазии в этой области. Так, римский поэт Лукреций (98–54 г. до Р. Х.) в пятой книге своего знаменитого дидактического стихотворения «О природе вещей», дает художественное изображение лишенного еще культуры первобытного человека, который бродит, подобно животным, разыскивая себе пищу, живет в пещерах и влачит свое существование, не зная еще ни одежды, ни огня:

«Люди тогда не умели еще ни с огнем обращаться,
Ни укрывать свое тело звериною шкурой и мехом.
Но проживали в лесах они, в горных пещерах и рощах,
И закрывали ветвями кустов свои грязные члены,
Если к тому принуждали дожди, непогода и ветры.
Люди совсем не пеклись об общественном благе, а также
Не было нравственных правил у них и защиты законов.
Каждый брал то, что ему как добычу судьба посылала,
Собственной силой, привыкнув хранить свою жизнь и здоровье.
В зарослях леса влюбленные тела сочетались Венерой,
И сочетались притом или вследствие страсти взаимной (cupido)
Или насилию и сладострастию (libido) мужчин уступая,
Или за плату, за желуди, вишни морские и груши»...

(Книга пятая, стихи 951–963, пер. Ивана Рачинского).

Мы видим, следовательно, что на заре рода человеческого поэт уже допускал, кроме чисто физической любви между полами, полового влечения (libido), еще и своего рода душевную склонность (cupido), и отмечает уже также первые намеки на проституцию, на продажную любовь.

По Горацию, вначале еще не было брака,⁸⁹ а происходила только страстная борьба за половые наслаждения, во время которой более сильный оставался победителем и убивал остальных (книга 1, сатира 3-я, стихи 108–110, перев. Фета):

«... но смертью те погибали безвестной, которых
При беспорядочном и скотском утолении страсти
Сильный так убивал, как бык это делает в стаде».

Оба поэта допускают, следовательно, первобытное состояние половой жизни, соответственно первобытному вообще состоянию человечества. Только с развитием культуры развились, по их мнению, и более совершенные условия и брачное сожительство. Тем самым они, несомненно, гораздо более приблизились к истине, чем третий римский поэт, высказавшийся на этот счет, именно Ювенал. Последний верит в райскую невинность и целомудрие, в мирное брачное сожительство, которые выродились лишь впоследствии, под влиянием культуры. В начале своей знаменитой сатиры, описывающей это вырождение, он следующим образом изображает половую жизнь доисторических времен:

Думаю, что при царе Сатурне долго Стыдливость
Явно жила на земле, когда в пещере холодной
Помещался и крошечный дом, и огонь, и святыня.

---

⁸⁹ Так нужно понимать выражение «incerta Venus» (книга 1, сатира 3, ютах 109). Cp. Q. Boratius Flaccus Satiren erklart von Hermann Schute. Berlin, 1881, стр. 43.

И скоты, и хозяева в той же сени заключались:
Как лесную постель у горца жена настилала
Из ветвей и стеблей, да шкур с окрестных животных.
Ни с тобою, о, Цинтия,⁹⁰ не сходна, ни с тобою,
Коей смерть воробья омрачила блестящие очи!
А приносившая груди кормить детей здоровенных,
И грубее подчас желудями пресыщенного мужа.⁹¹

Далее поэт описывает постепенное исчезновение целомудрия и порчу нравов позднейшего времени. В противоположность приведенным выше двум поэтам, Ювенал является, таким образом, типичным представителем сторонников «доброе старого времени» и теории вырождения, полная несостоятельность которой доказана новейшими исследованиями.⁹² А потому мы должны считать описание Лукреция и Горация более соответствующими реальным условиям действительности, чем описание Ювенала. Нельзя, однако, не признать, что и они также представляют лишь плод фантазии, точные же доказательства в них отсутствуют. То же самое приходится сказать и о некоторых современных описаниях первобытной половой жизни. Так, например, Поль Лакруа (Пьер Дюфур), очевидно, частью поддается влиянию Лукреция, когда он говорит о древнейшей истории человека:

«В состоянии естественной первобытности, когда люди еще только начинали отыскивать друг друга и соединяться в общества, беспорядочное смешение полов было неизбежным последствием их необразованности и грубости, которая еще не знала никаких других предписаний, кроме предписаний инстинкта. Глубокие потемки, в которых еще бродила душа человека, скрывали от нее простое знакомство с добром и злом.⁹³ И все же там уже могла существовать проституция. Женщина без сомнения соглашалась уступить желанию мужчины, даже когда она не разделяла его страсти, чтобы получить от него кусок убитой им дичи или пойманную им рыбу. За блестящий камушек, сверкающую раковину или яркое птичье перо, она, не испытывая сама ни малейшего влечения или желания, предоставляла права любви дикому чудовищу. Эта дикая проституция старше всякой религии, всякого закона, и все же в эти времена детства народов женщина не уступала насилию, а действовала только сообразно собственной воле, собственному выбору и собственной жадности».⁹⁴

Это описание относится к первобытным людям, жившим еще изолированно. Для происхождения социальных союзов и групп, Бурдах,⁹⁵ по-видимому, раньше других построил теорию промискуитета, или, как он выражается, «пантогамии». За ним последовал Бахофен, который в своем знаменитом сочинении «Матриархат» допускал на низшей ступени человеческого существования совершенно свободное смешение полов и публичное совершение полового акта. «Наподобие животного удовлетворяет он свой природный инстинкт, без прочной связи с одной определенной женщиной, на глазах у всех».⁹⁶

---

⁹⁰ Цинтия – возлюбленная поэта Проперция, а оплакивающая смерть воробья Лесбия – возлюбленная поэта Катуллы.

⁹¹ Сатиры Ювенала, перевод Фета (сатира VI, стихи 1-10).

⁹² См. об этом Блох, «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре», пер. врача П.И. Лурье-Гиберман, изд. журнала «Современная медицина и гигиена», стр. 406–413.

⁹³ Половой аморализм первобытных народов отмечает Герхарт Гауптман в отдающей всем и каждому Герзинде, которой он влагает в уста следующие слова: «Я дитя – не вашей Евы, Не вашего Адама, и мои Не ели прародители от древа Греховного, а потому и я Добра и зла не различаю». (Перев. А. М. Федорова).

⁹⁴ Pierre Dufour (=Paul Lacroix), Geschichte der Prostitution. Gross-Lichterfelde. Bd. I, Teil 1, S. VII–VIII.

⁹⁵ Karl Friedrich, Burdach, Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft, Leipzig 1826, Bd. I, S. 360.

⁹⁶ J. J. Bachofen, Das Mutterrecht, Stuttgart 1861, S. 10.

При этом Бахофен ссылается уже на исторические данные, на сообщения Геродота и Страбона о массагетах и других племенах, у которых господствовало половое смешение или другие вообще формы свободных половых отношений. Тем самым он вступил на единственный возможный путь для выяснения примитивных условий половой жизни при помощи фактов этнологии, которые позволяют нам бросить ретроспективный взгляд и сделать известные выводы. Сравнительная история и этнология дали нам с тех пор столько материала, что в настоящее время мы имеем уже до некоторой степени возможность использовать его для первобытной истории в узком смысле слова – для доисторического времени – и доказать при его помощи непрерывность в развитии человечества.

Закон развития имеет силу и для половой жизни. Насколько велико различие между современным культурным человеком и человеком ледникового периода, настолько же различна его половая жизнь от половой жизни неандертальского человека или *pithecanthropus erectus*.

Не подлежит, вероятно, сомнению, что в первых своих начинаниях, о которых мы ничего не знаем, человек еще действовал как существо, подчиняющееся одному только инстинкту, и что половой инстинкт его еще не обнаруживал тогда никакой дифференцировки, никакого разделения на телесное и духовное. Чисто животная «течка» соединяла оба пола и, как таковая, она связана была с известным временем, с периодом «течки», которая еще не подвергалась видоизменению под влиянием какого бы то ни было духовного элемента. В действительном существовании периодической течки у первобытного человека, тем менее можно, сомневаться, что существование ее и теперь еще можно доказать у таких диких народов, как австралийцы, которые, согласно общему мнению, стоят всего ближе к первобытному человеку.⁹⁷

Так как человек принадлежит к стадным животным,⁹⁸ то можно считать более или менее достоверным, что и периодическая течка разыгрывалась у него в пределах орды или стада. И так как всякие индивидуальные, душевные отношения еще отсутствовали, то нет основания сомневаться в действительном существовании полового промискуитета. Но его не нужно, разумеется, представлять себе, как одновременное дикое смешение полов, а только как общность полового владения внутри первобытной орды,⁹⁹ как свободу половых отношений, естественной предпосылкой которой является недифференцированность первобытного полового инстинкта. Дальше мы увидим, что остатки такого рода промискуитета можно проследить на протяжении всей истории вплоть до настоящего времени и что их можно объяснить только первобытными условиями.

Первобытный человек принадлежит тому времени, которое еще предшествовало доисторическому и от которого до нас не дошло никаких следов человека или человеческой деятельности. Доисторический период, напротив, дает нам осязательные точки опоры для воспроизведения человека каменного века. Здесь он является уже носителем культуры, пережившим богатое по содержанию и объему духовное развитие, и в его половой жизни уже, несомненно, тоже совершилось известное разделение между телесным и духовным элементами ее. Любопытна склонность человека каменного века к бросающимся в глаза и пестрым предметам, которые он применял как украшения, а соответственно, и как средства для привлечения другого пола, как например, разрисовывание тела красной железной охрой,¹⁰⁰ которое должно счи-

⁹⁷ См. Otto Schoetensack, Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen. In: Zeitschrift für Ethnologie Bd. 33, Berlin 1901, S. 142; Friedrich von Hellwald, Die menschliche Familie, Leipzig 1889, S. 134; Iwan Bloch. Половая жизнь нашего времени, стр. 24–25 (пер. Лурье-Гиберман).

⁹⁸ См. Eduard Meyer, Ueber die Anfänge des Staates und sein Verhältnis zu den Geschlechtsverbänden und zum Volkstum. In: Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften, Philosoph.-histor. Klasse vom 6. Juni 1907, XXVII, S. 508–538.

⁹⁹ Это не исключает, конечно, наблюдающейся и у животных «борьбы за самку», которая, напротив, именно и делает понятной частую смену составляющих пары индивидуумов.

¹⁰⁰ M. Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien 1898, S. 19.

таться прообразом той большой роли, которую еще и теперь играет красный цвет в половой жизни человечества.

Примитивный характер красного цвета и разрисовывания тела и их значение, как примитивной приманки другого пола, доказали впервые исследования Германа Клаатша в Австралии. По его словам, окраска кожи охрой первоначально должна была служить известной защитой для тела, и только вторично уже она приобрела значение украшения, после чего сделалась и половой приманкой. Такое же значение она имеет, надо думать, и у палеолитических людей Европы. Связь между первобытными нравами австралийцев и человека ледникового периода невозможно вообще отрицать.¹⁰¹

Подобно тому, как на первобытное происхождение указывают румяна проституток, такое же наследие древнейших времен представляет и весьма распространенный среди проституток – как представительниц свободного полового наслаждения – обычай красить волосы в светлый цвет или ношение белокурого шиньона. Клаатш доказал, что волосной покров первобытного человека был, вероятно, светлый; всего больше сходства с ним имеет, вероятно, среди антропоидов волосной покров орангутанга. Светлым волосам тела соответствовали такие же волосы на голове. Клаатш нашел тому важные доказательства среди австралийцев, наиболее приближающихся теперь к первобытному состоянию. Волосы головы у их детей часто обнаруживают светлую окраску, как это описывал уже Герберт Базедов (1903 и 1904 г.). У взрослых же в некоторых местах существует обычай посыпать волосы желтой охрой, как бы для того, чтобы искусственно сохранить их детский цвет.¹⁰²

Дальнейшие весьма важные факты, касающиеся половой жизни человека каменного века, стали нам известны, благодаря находкам в Брасемпуи и Виллендорфе.

В 1892 г. Эдуард Пиетт¹⁰³ нашел в принадлежащих к четвертичной эре гrotтах в Брасемпуи, Ложери-Басс и Ментоне высеченные из слоновой кости женские статуэтки и рисунки на рогах оленя, из которых всего замечательнее, всего интереснее, бесспорно, была фигура, обозначенная как «Венера из Брасемпуи». Это был средний отломок фигуры из слоновой кости¹⁰⁴ в 8 см длины, от которой сохранились живот и правое бедро. Фигура снабжена была большим обвислым, сбоку втянутым животом, громадным бедром и ягодицами (*steatopygia*) и сильно развитыми срамными (непристойными) губами. Как можно заключить на основании многочисленных полос, расположенных группами, фигура изображена была сильно волосатой. Пиетт считает ее точным изображением субъекта четвертичной стеатопигической человеческой расы с жирным животом, причем в ней сильно подчеркнуты были половые части.

Из дальнейших фигур, найденных Пиеттом, достойны внимания: Брасемпуйская рукоятка кинжала из слоновой кости с торсом голой женщины, с громадными грудями, большим животом и боковыми отложениями жира на бедрах, и «*La femme au renne*» (*femme enceinte*), рисунок на роге оленя, найденный в Ложери-Басс. Живот объемист, быть может, беременный, с явно подчеркнутыми половыми частями; фигура с поразительно большими волосами тела, ожерельем и шестью кольцами на левой руке. «Фигура с поясом» из слоновой кости обнаруживает крепко прижатые друг к другу бедра, плоский живот и сильно выпяченный лобок. Еще

---

¹⁰¹ Vgl. H. Klaatsch, Ergebnisse meiner australischen Reise. In: Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1907, Bd. 38, S. 82–83.

¹⁰² Klaatsch a. a. O. S. 83.

¹⁰³ Edouard Piette, Notes pour servir à l'histoire de l'art primitif. in: L'Anthropologie Bd. 4, Paris 1894, und «La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la période glyptique», там же 6, 1895, S. 129

¹⁰⁴ Рис. 12 и 13 у Hoernes a. a. O. стр. 47.

некоторые другие фигуры также обнаруживают сильно преувеличенное изображение половых частей.¹⁰⁵

Совсем недавнего происхождения поразительная находка, так называемая «Венера из Виллендорфа», которую открыли в 1909 г. в мергелевых отложениях Виллендорфа в Вахау (Нижняя Австрия) Цомбати, Байер и Обермайер.¹⁰⁶ Отложения эти принадлежат четвертичному периоду и так называемому ориньякскому слою. Цомбати сообщает об этом:

«Виллендорфская Венера представляет фигурку в 11 см. высоты, из мелкопористого известкового камня, вполне сохранившуюся, с неправильно распределенными остатками красного окрашивания. Она изображает перезрелую толстую женщину с большими молочными железами, значительным остроконечным животом, толстыми боками и бедрами, но без собственно стеатопигии. Все это вполне соответствует формам Брассемпуйской Венеры. Как там, так и здесь явственно изображены малые губы. Но стеатопигия, о которой заключали по громадным бедрам сильно пострадавшей французской фигуры, здесь не оправдывается. Волосы головы изображены в виде валика, расположенного спирально вокруг большей части головы. Лицо абсолютно не отделано. Нет намека ни на одну из его частей (глаза, рот, нос, уши, подбородок). Руки уменьшены, предплечья и кисти изображены только в виде плоских рельефных полос, положенных над грудями. Колени развиты очень хорошо, но сильно укорочены, голени снабжены, правда, икрами, но сильно укорочены, передняя часть ноги совсем не изображена. Вся фигурка показывает, что ее мастер очень хорошо владел искусством изображения человеческого тела, но что он поставил себе целью выдвинуть вперед только части тела, служащие деторождению, и части, расположенные с ними в непосредственном соседстве, все же остальное он старался (наподобие наших карикатур) подавить. Что это намерение так удалось художнику, это и составляет особенную ценность находки».

Цомбати справедливо приводит в связь Виллендорфскую Венеру с Брассемпуйской. И тут, и там, как и в других фигурах, дело идет о таком поразительном и сильном подчеркивании половых признаков женщины (половые органы, ягодицы, груди), что это не может быть простой случайностью, а должно служить выражением определенного характера половых ощущений мужчины. Несомненно, в самом деле, что фигуры эти сделаны мужчинами. Так как другие художественные изображения того времени касаются животных, которыми питался тогда человек (мамонт, дикий конь, буйвол, олень), то Хернес справедливо заключает отсюда, что мужчины-художники делювиального периода избирали объектами для своих изображений те именно предметы, которые должны были всего больше интересовать их, как мужчин и охотников, т. е. женщину и дичь! Половой инстинкт и потребность в пище были гениями этого примитивного искусства.

Несомненно, также, что изображение и подчеркивание половых признаков женщины не носит в этом случае религиозного характера, а представляет только верное действительности отражение, простой рефлекс чисто физической привлекательности, которую имели для мужчины половые органы женщины и другие изображенные части тела. Аналогия между Виллендорфской Венерой и фигурами Брассемпуи и Ложери-Басс в то же время указывает, что художники рисовали с натуры, что женщины ледникового периода отличались большой полнотой тела и покрыты были большим количеством волос; кроме того, у них наблюдалось чрезмерное развитие малых губ на половых частях. По Пиетту и Вирхову, такая стеатопигия и разращение малых губ указывают на бушменскую расу. Во всяком случае, толстые женщины счита-

---

¹⁰⁵ Ср. рис. табл. II у Hoernes, и рис. 1 – у Ferdinand von Feitscnstein, *Urgeschichte der Ehe*, Stuttgart 1908, S. 8-11.

¹⁰⁶ Szombathy, *Die Aurignacienschichten im Loss von Willendorf*. In: *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie usw.*, 1909, Bd. 40. S. 85–88 (speziell S. 88 und Fig. 2, S. 87).

лись тогда идеалом и объектом чувственной страсти. Факт этот подтверждается аналогичными находками из древнейших времен так называемой цикладской культуры. В могилах неолитической эпохи в Италии, Египте и на греческих островах найдены были женские фигуры из мрамора, от самых маленьких до размера почти в половину натуральной величины, которые изображали «чудовищно толстых женщин – признак «материалистического» вкуса мужчин, по мнению Пфуля.¹⁰⁷

Этот примитивный половой вкус, это предпочтение колоссальной полноты женского тела можно и теперь еще доказать в современной проституции, дающей такой большой простор для проявления примитивного полового инстинкта. Известно, до какого *embonpoint* доходят некоторые проститутки, особенно в домах терпимости. Не менее известно также, что такие колоссальные размеры отнюдь не действуют отпугивающим образом, а, напротив, находят поразительно много любителей. Это тем более удивительно, что в большинстве случаев дело идет о старых, расслабленных проститутках.

Примитивные еще по сравнению с высшими классами, низшие классы Германии (и всех других стран) видят в полноте тела идеал. Центральное место занимают особенно сильно развитые груди и ягодицы. Одна хавеландская песня смело описывает этот идеал делювиального человека, в Неймарке, когда хвалят добротность свиней, принято говорить: «жирна, как городская блядь». Глава («суре») 78 Корана, стих 31, также славит «женщин с роскошным телом и полными грудями», как идеал жителей востока.

Что уже в ледниковом периоде мужчинам нравились накрашенные, румяные женщины, указывает, по-видимому, красное окрашивание Виллендорфской Венеры. Как известно, по мере развития одежды, раскрашивание тела все более и более сокращалось, пока его не стали употреблять для одного только лица. Намеки на прежнее полное раскрашивание мы еще находим, между прочим, среди креолок, дам полусвета, в Каркасе, у которых применение румян распространяется и на грудь, и в восточном обычае окрашивания в красный цвет ногтей на пальцах рук и ног, посредством алканны.¹⁰⁸

Подчеркивание женских половых признаков, в особенности половых органов, в примитивном искусстве четвертичной эпохи возникло, как уже упомянуто, под влиянием, безусловно, естественных мотивов и абсолютно не носит религиозного характера, подобно позднеейшему культу Фаллоса. Дело в том, что мужчина ледникового периода рассматривал женщину исключительно как существо известного пола. Ретценштейн¹⁰⁹ верно замечает, как много времени нужно было тогда человеку, при его несовершенных орудиях, чтобы сделать такую фигурку. Очевидно, что интенсивность мыслей полового характера и влияла, главным образом, на его выдержку, заставляя добиваться изображения предмета его желаний. Реализм человека ледникового периода служит выражением, я бы сказал, наивной радости чисто полового характера, на которую еще не оказали влияния никакие духовные, в частности, религиозные мотивы. Первобытный человек, как сын природы, не знает «тайных частей тела». Мужчина и женщина признают себя производителями детей и «с самыми произвольными и естественными пояснениями смотрят на органы, которые порождают жизнь».¹¹⁰ Доказательством вер-

---

¹⁰⁷ Pfucl, Die Urbewohner Griechenlands. In: Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie usw., 1907, Bd. 38, S. 16.

¹⁰⁸ Vgl. Friedrich von Hellwald, Ethnographische Rosensprünge, Leipzig 1891, S. 250.

¹⁰⁹ Ferdinand v. Feitzenstein. Urgeschichte der Ehe, Stuttgart 1908, стр. 9.

¹¹⁰ Karl V. den Sleinien. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens, Berlin 1894, стр. 190–191. Под влиянием наивной половой радости готтентотка Нама импровизирует своему грудному младенцу следующую похвальную песню: Ты, дитя отца с сильными бедрами, Ты будешь когда-нибудь укрощать между своими бедрами быков. Ты, имеющий сильный половой член, Ты произведешь когда-нибудь на свет сильных и многочисленных детей. См. Andree, Frauenpoesie bei Naturvölkern. В Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie и т. д. 1906, т. 37, стр. 115.

ности этого положения, кроме приведенных, служат также и другие находки доисторического времени. Таковы, например, мужская бронзовая фигура из Марии-Чалад (комитат Венгрии) с рукой на половых органах,¹¹¹ затем женские глиняные фигуры более позднего каменного периода из фракийских курганов, троянские свинцовые фигуры с чрезвычайным подчеркиванием половых частей.¹¹² Кольцами и поясами,¹¹³ приделанными к лобку, примитивное искусство точно также прямо указывает на половые органы. Старейшим примером в этом отношении может служить упомянутая уже выше «Венера с поясом». Такой же пояс, очевидно служащий для подчеркивания половых органов, имеется и на бронзовой фигуре из Клейн-Застрова, близ Грейфсвальда.¹¹⁴ Бусы на лобке Венеры у девушек Мтусси, пояс из желтых листьев «ти» у Ареоис на острове Таити, очевидно, служат для той же цели.

С прогрессом духовного развития человека это чисто физическое влечение полов уже в доисторические времена приведено было в тесную связь с древнейшими фактами примитивной духовной жизни, с религией и искусством. На этом базисе возникла свободная половая жизнь, которая сохранилась, наряду с несвободной социальной формой, и до наших дней и которая, как мы увидим ниже, распространена была на земном шаре в самых разнообразных формах и обнаруживает элементы, которых нет в несвободной форме половой жизни, в браке.

Как показывают этнология и фольклор, такая вольная, ничем не связанная половая жизнь первоначально, вероятно, была совместима с браком или даже считалась необходимой предпосылкой его, потому что она давала примитивным инстинктам удовлетворение, которое не мог и не должен был давать брак. И вот всюду, где ригоризм принудительного брака ограничивал и подавлял эту свободу половых отношений, эту потребность «перебеситься», появляется проституция, как плохой суррогат ее. Проституция – как показывает вся ее история – есть пережиток, эквивалент первоначально свободной половой жизни человечества. В ней заключаются те же элементы примитивной жизни, подчиненной лишь инстинкту, как и в этой последней. Она представляет, в особенности у культурных народов, возмещение половой необузданности, полового разгула, которые мы и теперь еще встречаем у дикарей, находящихся в первобытном состоянии. История развития человечества показывает нам, что такая вольная половая жизнь всюду предшествовала или же сопутствовала браку, и что она именно давала возможность свободно проявлять примитивный половой инстинкт, подавляемый браком. Такой крупный исследователь, как Фридрих Ратцель,¹¹⁵ уже говорил о «частых, но всюду возбуждающих противодействие попытках монополизировать женщин для моно– или полигамического брака и возвратах в сферу более свободного господства полового инстинкта. Та же сфера, – говорит он далее, – лежит также в основе нашей цивилизации и вызывает в другой форме и под более густым покровом те же возвраты». При внимательном рассмотрении легко удастся, однако, приподнять и этот более густой покров, обнажить примитивную основу проституции и доказать ее связь с упомянутой сферой вольной половой жизни. Не нужно, следовательно, судить о первобытном состоянии по аналогии с проституцией, смотреть на него, по выражению Энгельса,¹¹⁶ «сквозь очки борделя». А нужно, напротив, проституцию объяснять и выводить из прежних свободных половых отношений. Лишь в таком случае можно понять ее значение в истории половой жизни человечества, как части «гетеризма, преследующего человека вплоть до самых недр цивилизации, как темная тень, лежащая на семье». (Л.Н. Морган).

¹¹¹ Рис. 16 у Koernes, a. a. O., стр. 143. – Воспроизведенная у Ретценштейна (a. a. O. стр. 27, рис. 14) фигура предка с островов Теапи держит одну руку под грудью, а другую – на половых частях, указывая на них.

¹¹² Koernes a. a. O. стр. 209.

¹¹³ О половом значении украшений на боковых частях таза см. мою книгу «Половая жизнь», стр. 117–118.

¹¹⁴ Abbild. 8 und 9 bei Reitzenstein a. a. O. S. 16.

¹¹⁵ Friedrich Ratzel, Volkerkunde, 2 Auflage, Leipzig und Wien 1894, Bd. 1, S. 111.

¹¹⁶ Friedrich Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, 13. Aufl., Stuttgart 1910, S. 19.

Характерные черты всех этих более свободных, вольных половых отношений – как убедительно доказал в особенности Генрих-Шурц – заключаются в изживании (Austoben) полового инстинкта в чисто физическом отношении и в элементарном разряде и проявлении его в связи и под влиянием художественных и религиозных элементов. Враждебные всем социальным стеснениям, эти последние возвращают половую жизнь в более свободную сферу.

В несвободных же формах половой жизни половой инстинкт вообще не занимает больше первого места. Они служат скорее социальным целям другого характера, прежде всего – экономического. Таким образом, главная форма несвободной половой жизни – брак – является продуктом не только половой потребности, но прежде всего – продуктом потребности в уходе, в общении,¹¹⁷ вообще результатом экономических нужд, так что половая потребность не может более играть первой и решающей роли, как при свободной любовной жизни.

Бахофен первый высказался в том смысле, что «гетеризм» – ничем не ограниченные внебрачные половые сношения – составлял первоначальную форму половых отношений мужчины и женщины. Вслед за ним Левис-Морган,¹¹⁸ соответственно построенным им ступеням развития – дикому состоянию, варварству и цивилизации – точно также допускал известные формы развития гетеризма, а именно: неограниченные никакими социальными условиями половые отношения без различия со всеми и половой промискуитет внутри социальной группы, как например, групповой брак. Он указал также на то, что гетеризм продолжал существовать и впоследствии наряду с парным и моногамическим браком. Энгельс¹¹⁹ называет это дополнением к моногамии путем прелюбодеяния и проституции.

Половые сношения совершенно без всякого разбора «скрываются» и, по мнению Морганана также, «в туманной древности человеческого рода», за пределами положительного знания. Но о действительном существовании такого состояния можно заключить из дальнейшего развития, так как матриархат и семья, основанная на кровном родстве, предполагают такие половые отношения, а всякая форма социального брака (групповой брак, брак Пуналуа) обнаруживает явные следы первобытного промискуитета. Наконец, еще и теперь можно доказать, что у диких народов промискуитет существует как предшествующая форма и предварительная ступень индивидуального брака, а у культурных народов он продолжает существовать наряду с браком в виде проституции или дикой любви.¹²⁰

Несомненно, что чувство стыда, как приобретенное качество, никогда не препятствовало промискуитету и вообще свободной половой жизни.¹²¹ Удовлетворение половой потребности вначале так же производилось без всяких стеснений, как еда и питье. Частью на это указывают такие факты, как публичное совершение полового акта,¹²² поскольку этому не препятствовали суеверия и религиозные причины (чары оплодотворения). Такое же непринужденное понима-

¹¹⁷ Vgl. A. Vierkandt, Die Stetigkeit im Kulturwandel. Eine soziologische Studie. Leipzig 1908, S. 196.

¹¹⁸ Ср. схему на стр. 426–427 у Lewis B. Morgan, Die Urgesellschaft. Aus dem Englischen von W. Eichhoff und Karl Kautsky, 2. Aufl., Stuttgart 1908.

¹¹⁹ Engels a. a. O. S. 63.

¹²⁰ «Дикой» любовью д-р Блох называет «внебрачные половые сношения», в основе которых нет любви, в противоположность «свободной любви», сторонником которой он является. См. его книгу «Половая жизнь», стр. 253. (Прим. пер.)

¹²¹ См. мою книгу «Половая жизнь» стр. 108, а также Vierkandt a. a. O. стр. 29–30, стр. 156. – По Madame Celine Ronooz (в «Psychologie comparee de l'homme et de la femme», Paris, 1898, стр. 85–87. Цитир. по Rieitzenstein'y, a. a. O. стр. 104), первобытная женщина даже долгое время защищала свою наготу от чувства стыда, навязанного ей мужчиной вместе с одеждой.

¹²² Примеры из древних времен у Бахофена, Das Mutterrecht, стр. 11; из жизни дикарей – у Плосс-Бартеляса, Das Weib in der Natur- und Völkerkunde, 8 изд., Leipzig, 1905 г., т. I, стр. 540 и след. Во время Шамиссо жители островов Палау лишены были всякого стыда, так что они скотски удовлетворяли свой половой инстинкт на глазах у всех». Adelbert von Chamisso Werke, Leipzig 1836, Bd. II, S. 277. – По И. Р. Мукке (Horde und Familie in ihrer urchenichtlichen Entwicklung, Stuttgart, 1895, S. 60–70) половой акт уже потому должен был совершаться в первобытные времена публично, что место, занимаемое ордой, было слишком ограничено. При этом сказывалось также подражание. Что делал один, то делал и другой. Половой акт совершался не только публично, но и публично всеми в совокупности. Акты оплодотворения и рождения были общественным делом и потому производились coram publico.

ние половых отношений замечается и в воззрениях многих дикарей. При этом любопытно, что первоначально на мужчину и женщину смотрели в этом отношении одинаково. Женщина обнаруживает те же примитивные полигамические инстинкты, как и мужчина, и даже в более поздние времена еще предавалась, как и он, свободным половым отношениям до брака. Но так как в первобытные времена и у многих диких народов применяли для вскармливания детей только материнское молоко, то женщины должны были во время кормления, продолжавшегося несколько лет, отказываться от половой жизни, а мужчина вынужден был удовлетворять свой половой инстинкт с другими женщинами. Это обстоятельство может считаться одной из естественных причин более свободных половых отношений.

Ниже мы приводим несколько фактов,¹²³ доказывающих существование свободной, ничем не связанной половой жизни при первобытных условиях, чтобы впоследствии исследовать отношение этой свободной половой жизни к проституции.

Во время мистерий «манга» на островах Вити, по Лоример-Физону, господствует полный половой коммунизм и на улицах открыто разыгрываются самые невероятные сцены. Самое близкое родство – даже между братьями и сестрами – не служит, по-видимому, препятствием для всеобщей распущенности, о размерах которой можно судить по выразительному замечанию одного старого вождя Нанди. Он сказал об этом празднике: «пока он продолжается, мы настоящие свиньи».

Аналогичные факты сообщает Август Ольдфиельд о Ватшанди в западной Австралии, которые кроме того совершенно напоминают первобытные времена ясно выраженным «периодом течки» и совершением полового акта наподобие животных (*propter intra conversorum positionem pedum plusculumque retrocedentis vaginae causa aborigines a tergo coitum perficiunt*).

Во время празднества «нанга» на островах Фиджи всякая женщина добровольно становится жертвой того, кто поймал ее во время состязаний в бегах. В это время отменяется также всякое «табу» на различные пищевые средства, так что «не было больше собственности на женщин и свиней».

На острове Формоза, если муж и жена воздерживаются от половых сношений – все равно, есть ли у них дети или нет – они предаются разврату со всеми и повсюду. В жаркое время года можно видеть мужчин и женщин, лежащих нагишом парами и совершающих половой акт. Взрослые стараются, однако, не показываться тогда детям.¹²⁴

Ратцель называет семейную жизнь в восточно – гималайских племен «первобытными нравами», так как до брака отношения обоих полов совершенно свободные.

Древне-бирманское законодательство тоже признавало, что для холостых молодых людей старше 16 лет внебрачные половые сношения не должны считаться проступком.

---

¹²³ Использованная нами литература главным образом следующая: Friedrich von Hellwald, *Die menschliche Familie*, Leipzig 1889; Friedrich Matzel, *Volkerkunde*, Leipzig 1894, 2 Bände; Heinrich Schurte, *Urgeschichte der Kultur*, Leipzig 1900; derselbe, *Altersklassen und Mannerbunde*, Berlin 1902; Ferdinand von Reitzenstein, *Urgeschichte der Ehe*, Stuttgart 1908; derselbe, *Liebe und Ehe im alten Orient*, Stuttgart 1909; derselbe, *Liebe und Ehe in Ostasien und bei den Kulturvölkern Aitamerikas*, Stuttgart 1910; Josef Kohler, *Rechtliche Grundlagen der Ehe*, in: *Mann und Weib*, herausgegeben von Kossmann Weiss, Stuttgart 1908, Bd. II, S. 251–298; H. Berkusky, *Die sexuelle Moral der Naturvölker*, in: *Die neue Generation*, herausgegeben von Helene Stocker, 1910, Heft 8 und 9, 307–317 und S. 355–368; Iwan Bloch, *Половая жизнь нашего времени*, стр. 165–172 (всюду цитир. изд. «Современной Медицины и Гигиены», пер. Лурье-Гиберман *Zeitschrift für Ethnologie* и др.

¹²⁴ Fr. Hirth, *Ueber die Wilden Formosas*. Aus den chinesischen Annalen (Tai-wan-fu-chih) des 17. Jahrhundert, in: *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1893, S. 334.

Миклухо-Маклай сообщает об Оранг-Сакаи на малайском материке: «Девушка через несколько дней, или недель после замужества с согласия мужа добровольно отправляется к другому, с которым тоже живет более короткое, или более долгое время. Таким образом, она совершает круг, обходя всех мужчин данного общества, пока снова не дойдет очередь до ее первого мужа, у которого она, однако, опять не остается, а продолжает заключать такие регулируемые случаем и ее желанием браки».

Лубу, племя, живущее на соседнем острове Суматра, смешиваются даже с матерями и сестрами, всецело в зависимости от настроения минуты. Такому же обычаю следуют и островитяне Погги, племя Даяков, Оло-От и жители острова Палинг, к востоку от Целебеса.

У сибирских бурят до вступления в брак господствуют беспорядочные половые отношения между мужчинами и девушками. В особенности это можно наблюдать во время бурятских празднеств. Они совершаются обыкновенно по вечерам и с полным правом могут быть названы «ночами любви». Близ деревень горят костры, вокруг которых мужчины и женщины танцуют свой однообразный танец «надан». От времени до времени танцующие пары удаляются и исчезают во тьме ночной. Вскоре они возвращаются и снова принимают участие в танцах, а через некоторое время опять скрываются во тьме. Но это не всегда одни и те же пары, составляющие их лица меняются.

В абиссинских провинциях Вогара и Бегемедер «семья» еще почти что не существует. Люди сходятся по влечению и расходятся, когда им вздумается. Женщина пользуется большой свободой.

О племени Массай Томсон сообщает, что молодой человек после посвящения в воины переходит в отдаленную хижину (крал), в которой живут исключительно молодые люди обоего пола и где господствуют вполне свободные отношения между полами.

У племени Яунде в Камеруне муж тем больше уважает жену, чем больше у нее было любовников. Негры Того точно также с пренебрежением говорят о невинных девушках, которые до замужества имели мало или совсем не имели любовников. «Будь она красива, мужчины пришли бы к ней».

Эль-Тоунси сообщает из Дарфура, что девушки при наступлении половой зрелости получают отдельную хижину, в которую всякий имеет свободный доступ, чтобы провести с ними ночь.

На Шарлоттских островах свобода половых отношений заходит так далеко, что женщины смотрят почти на всех мужчин своего племени, как на своих мужей.

Полная распущенность девушек наблюдается и у Гуронов в Северной Америке. В старой Калифорнии, по словам Бегерта, соседние племена навещают друг друга, «чтобы вместе провести несколько дней в публичных кутежах; по этому случаю все дозволено».

В старом Никарагуа до брака господствовала свобода половых отношений. Чтобы обеспечить себе расположение девушки, ей давали несколько зерен какао. Эти отношения существовали с ведома отцов и были дозволены, так что это не была проституция. Там бывали также празднества, на которых свободные сношения разрешались даже замужним женщинам.

При строгом соблюдении чистоты брака у колумбийских Шибша дозволены были свободные половые отношения до брака. Во время некоторых празднеств мужчина мог вступить в половое сношение с первой встретившейся ему женщиной. До вступления в брак девушки ходили нагишом.

Фердинанд Колумб рассказывает, что отец его в 1498 г. застал в Тринидаде совершенно голых женщин, а, по словам кардинала Бембо, на берегу Париа девушки отличались от замужних женщин тем, что они ходили голые.

В Перу на всех празднествах господствовали совершенно свободные» половые сношения, которые в определенное время совершались публично. Кроме того, всякая императорская мумия имела целый придворный штат мужчин и женщин, которые под предлогом, что это делается по ее распоряжению, предавались необузданному половому промискуитету.

Большое значение для сохранения и дальнейшего развития необузданной половой жизни имели так называемые возрастные классы и мужские союзы, как это было известно уже Шамиссо¹²⁵ и Ратцелю.¹²⁶ Последний высказал следующее положение: «Чем более развита система мужских домов или клубов, тем слабее семейные узы». Связь эта обстоятельно рассмотрена и выяснена в фундаментальном труде Генриха Шурца «Altersklassen und Mannerbunde» (Берлин, 1902 г.).

Так как женатые мужчины тесно связаны с семьей и при матриархате, то настоящими носителями родственных связей в том виде, как они существуют в возрастных классах и союзах мужчин, должны быть, по Шурцу, молодые, зрелые в половом отношении, но неженатые мужчины и параллельно им – менее важная для общественной жизни – группа незамужних девушек. Свободная, необузданная половая жизнь связана главным образом с институтом «мужских домов», которые отнюдь не представляют особенности известной расы или культурного течения. Напротив, как показал Шурц, учреждение это в различных формах и видах распространено было – распространено и теперь – по всему земному шару.

Большинство первоначальных типов домов для мужчин мы находим в малайско-полинезийской области, как это видно из обзора Шурца (а. а. О., стр. 214–282). Здесь также всего яснее отношение их к свободным добрачным половым отношениям.

«Баи» (дом для мужчин) у островитян Парау служит приютом для молодых людей, которые здесь спят, едят и ведут свободную в любовном отношении жизнь с молодыми девушками и женщинами, увезенными из других деревень или же пришедшими добровольно.

В домах для мужчин («фебай») на Яве, по Кубари, всегда живет несколько девушек, похищенных из соседних деревень, впрочем, с тайного согласия их родителей.

Большие дома (хатар) на островах Нукуор, в которых спят холостые мужчины, недоступны для женщин, за исключением больших праздников, когда господствуют свободные половые сношения.

---

¹²⁵ Шамиссо говорит об обитателях островов Южного Океана (см. его «Reise um die Welt»: Werke, Leipzig 1836, Bd. II, S. 273): «Замужние женщины преданны исключительно своим мужьям. Незамужним же обычай позволяет пользоваться своей свободой. Они проводят ночи в собственных больших домах».

¹²⁶ Ratzel, Völkerkunde, т. I, стр. 257.

На Ладронских и Марианских островах здание клуба мужского союза племени Улитаос служит местом для свободной любви и центральным пунктом для устройства известных празднеств. Все Улитаосы состояли в свободных половых отношениях с девушками из самых знатных фамилий, для которых такие отношения считались почетными.

«Варематоро» (точенный дом) называлось в Новой Зеландии здание для танцев и игр, отделение дома для мужчин, в котором молодежь обоего пола собиралась, чтобы повеселиться и предаваться свободной любви. Быть может, оно в то же время служило и для ночевки холостяков. Его называли также «дом для любви», «дом для удовольствий», «дом для холостяков». Значение этого дома хорошо охарактеризовано в песне, которая поется во время татуировки достигшей половой зрелости девушки:

Ложись спокойно, дочь моя,
Скоро свершится.
Чтобы губы твои можно было хорошо татуировать —
Скоро будет все кончено.
Чтобы ты могла посещать дом молодых мужчин,
И чтобы никто не мог сказать:
Откуда пришла эта безобразная женщина,
Обратившаяся сюда?

В южной стране Тоба на острове Суматра дом для мужчин называется «сопо». Ночью он служит местом сна для холостяков. Здесь же их посещают, вероятно, и молодые девушки.

Деревня Банпара в Бирмане распадалась, по Пеалю, на две части, из которых одна имела шесть, а другая семь домов для мужчин. В каждом доме постоянно находилась стража из 6-10 человек, которая в случае войны увеличивалась до 20–30 человек. Замужним женщинам доступ сюда был строго запрещен, а между молодыми людьми и девушками, напротив, господствовала свободная любовь.

Племя Пехария в горной стране Раджмагал (Остиндия) также имеет дома для холостяков. Неженатые мужчины спят в особых домах. Такие же спальные дома имеют в большинстве случаев и девушки. Свободная любовь среди молодежи считается вполне дозволенной. Ханды в южной Бенгалии имеют в каждой деревне отдельные дома для мужчин и девушек. В них молодежь проводит ночь. Ландор упоминает о домах «рамбанг» у племени Шокра, в которых собираются для знакомства друг с другом молодые люди и девушки.

У остяков дом общины называется «жениховским». Это заставляет предположить, что он первоначально был местом жительства неженатых мужчин и, быть может, служил так же, как в Новой Зеландии, местом, где предавались свободной любви.

На связь с возрастными классами и промискуитетом указывает также странный обычай, относящийся к древним временам североафриканских Дапсолибиеров: все мужчины одинакового возраста должны были жениться в один и тот же день, причем каждый из них должен был в темнотепоймать одну из девушек, которая и становилась его женой. (Nicolaus Domasceus у Stobaeas Florileg. 44–41).

У племени Майя были отдельные дома, в которых жили неженатые мужчины и девушки.

Влияние мужских союзов молодежи с их не ограниченными никакими правилами половыми отношениями можно еще проследить также в более свободных формах брака, прежде всего в групповом браке.¹²⁷ Шурц справедливо назвал эту форму брака изживанием полового инстинкта, введенным в обычай. Она составляет промежуточное звено между гетеризмом и однобрачием. Полиандрия, обычай отдавать жен в пользование и обмен жен¹²⁸ точно так же должны считаться пережитками первобытного полового смешения.

Что брак, в особенности моногамический, представлял первоначально скорее экономический, чем половой интерес, доказывает факт разрешенных в то время повсюду свободных половых отношений до брака и равнодушие дикарей к целомудрию девушек. Неоднократно, например, у некоторых племен Папуасов в Британской Гвинее, даже невеста имеет право поддерживать половые отношения с другими мужчинами, пока жених еще не внес за нее всей выкупной суммы сполна; до тех пор она еще не переходит в его полное владение. Зато нарушение супружеской верности со стороны замужней женщины наказывается здесь смертной казнью.¹²⁹

Но проституция появляется и у диких народов повсюду, где вводятся ограничения или стеснения свободных половых отношений. Она представляет не что иное, как возмещение или новую форму первобытного промискуитета. «Всюду, где устраняется свободная любовь с ее изживанием (Austoben) полового инстинкта, появляется проституция» (Шурц). Последняя и теперь еще обнаруживает при самых разнообразных условиях примитивный характер полной необузданности.

Возникновение проституции тесно связано у диких народов с развитием домов для мужчин и со свободной любовью. Отныне уже не все, а только некоторые девушки предаются свободным половым отношениям с обитателями этих домов. В большинстве случаев они и живут здесь и неоднократно получают вознаграждение за доставляемые ими половые наслаждения. Вдовы или покинутые жены часто становятся общим достоянием домов для мужчин. Эти проститутки у диких народов готовы также к услугам чужих и проезжих людей, что может рассматриваться, как первобытная форма проституции с целями гостеприимства. Кроме того, ими пользуются для целей всего племени, и в таком случае они часто рекрутируются из женщин чужого племени. У диких народов встречаются уже и дома терпимости. В нижеследующем кратком обзоре мы познакомимся с разнообразнейшими формами первобытной проституции.

Как на зачаточную форму проституции, Шурц указывает (стр. 193) на следующие отношения, существующие на островах Палау. Там не только девушки, но и замужние женщины отправляются в «баи» холостяков, чтобы пожить там некоторое время. «Когда жена рассердится у нас на своего мужа, – рассказывала одна островитянка путешественнику Семперу, – она убегает в ближайший баи. Тогда муж должен, если он желает снова помириться с ней, выкупить ее за деньги у «клеббергел» (мужского союза), которому принадлежит баи и все в нем находящееся. Если он не может заплатить, он не имеет больше никаких прав на нее. В таком случае, она остается у мужчин до тех пор, пока другой муж, более могущественный, чем прежний, не выкупит ее... Я уже раз убежала от своего мужа и очень хорошо провела время в баи. Сестра из Инарратбака также недавно ушла в Орокол в баи за то, что муж ее изменил ей. Теперь она останется там, как армунгул (проститутка) три месяца». Шурц справедливо указывает, что такой побег жен есть отзвук свободной любви, полный расцвет которой уже позади,

¹²⁷ См. мою книгу «Половая жизнь нашего времени», стр. 170–171 и Paul Wilutzky, *Vorgeschichte des Rechts*, Bd. I, Breslau 1903, S. 55–82.

¹²⁸ Там же и Wilutzky, S. 20–21.

¹²⁹ M. Krieger, *Neu-Guinea*, Berlin 1899, S. 298, cit. nach Berkusky a. a. O. S. 335.

в прошлом. На островах Палау нисколько не считается позором для девушки, если она жила в баи в качестве армунгул. Напротив, ее охотно берут тогда в жены».

На Каролинских островах (Палау, Яп), если девушка впервые вступила в половые отношения с мужчиной, который в состоянии заплатить ей, то она может затем отправиться в качестве армунгул на чужбину, выйти замуж или же принять участие в «блолобол». Как армунгул, она получает плату от известного мужчины, но сохраняет при этом право свободных отношений с другими мужчинами. «Блолобол» заключается в том, что все молодые женщины одной общины отправляются в другое место и становятся там проститутками. За это они получают, в конце концов, значительное вознаграждение, которое распределяется на их родине начальниками.¹³⁰

Условия, существующие на одном из Каролинских островов, на острове Яп, Зенфт описывает¹³¹ следующим образом: «Для своих «беваис» (дома холостяков) они похищают девушек из других округов. Но теперь это похищение представляет, по-видимому, своего рода шутку или выражает уважение к старым обычаям. В действительности же, во всех известных мне случаях похищения девушек между «жертвой» и ее родителями с одной стороны и общиной и «похитителями» с другой – всегда существовало предварительное соглашение. В одном случае девушка даже призналась, что она сама просила похитителей увезти ее. Сабинянки эти становятся на определенное время, обыкновенно на несколько лет, общим достоянием всех мужчин, как холостых, так и женатых, а затем возвращаются с богатыми подарками в свои родные деревни; если какая-нибудь из них становится матерью, то на ней женится кто-нибудь из односельчан».

Связь между проституцией и домами для мужчин замечается и на Меланезийских островах. Распушенность женской молодежи местами очень велика. В других же местах для размещения свободной любви должны служить проститутки. На Флориде, например, начальники приговаривают замужних женщин дурного поведения, чтобы они служили публичными женщинами (ремби). Они обязаны жить в одном из домов начальника и должны отдавать ему большую часть своего заработка.¹³² На Сан-Кристовале, кроме свободной любви, существуют еще девушки или вдовы, служащие публичными женщинами (репи). На Маланте девушка низшего сословия, сделавшаяся матерью, если ей не грозит опасность со стороны ее возлюбленного, большей частью становится проституткой. Девушка же из высшего сословия должна в таком случае умереть. Местами родители сами предназначают своих дочерей для профессии публичной женщины; или же начальник покупает девушку и заставляет ее заниматься этим ремеслом, пользуясь частью ее доходов, как это бывает, например, на острове Улава. На северных Гебридских островах единичные девушки и женщины занимаются тайной проституцией, продавая себя тайком за деньги.¹³³

В мужских клубах островов Санта-Круз всегда живет несколько публичных женщин, которые в большинстве случаев уже детьми были куплены каким-нибудь холостяком и просто проданы им с молотка, когда они ему надоели. Остальные девушки и женщины держатся очень строго вдали, от мужских клубов. Девушки, живущие в них, уже носят название проституток («овла ндее» – девушки для мужчин).

---

¹³⁰ F. t. Reitzenstein, *Urgeschichte der Ehe*, S. 18.

¹³¹ *Deutsches Kolonialblatt*, 1900, S. 417.

¹³² Ratzel, a. a. O., Bd. I, S 255; Schurtz a. a. O., S. 195.

¹³³ Codrington, *The Melanians*, S. 235, cit. nach Schurtz, a. a. O. S. 195, 236.

На островах Новопомерания и Новолауенбург вдовы считаются общим достоянием всех мужчин.¹³⁴ И в Ниссау также вдовы считаются в половом отношении принадлежностью всех своих односельчан, причем начальник имеет преимущество перед другими. Нередко такую женщину потом искусственно откармливают, убивают и съедают.¹³⁵

На архипелаге Бисмарка и на Саломонских островах проституция существует во время известных празднеств. Во время праздника Уну начальник нанимает нескольких девушек для своих гостей.¹³⁶ Во время австралийского праздника корроборее, при котором имеет место публичное совершение полового акта, проститутки предоставляются в распоряжение чужих мужчин...¹³⁷

Как урегулированное учреждение, проституция встречается в западной Африке. Про негров гвинейского берега Шнуррер¹³⁸ сообщает, со слов Норриса, что, несмотря на их многоженство, у них в каждой деревне существуют еще кроме того публичные женщины, которые посвящаются в это звание при соблюдении особых церемоний, живут за счет общины и за небольшое вознаграждение обязаны отдаваться каждому, кто того пожелает.

В Африке на проституцию существенное влияние оказало рабство, в том смысле, что большинство проституток рабыни. Но и здесь нельзя отрицать происхождения проституции из свободных половых отношений. Так, прежде на Золотом берегу, по предложению молодых людей, им от времени до времени покупали девушку и помещали ее в особую хижину, где она обязана была отдаваться каждому желающему за небольшой подарок по его собственному усмотрению. Покупатели рабынь-проституток – последних в каждой деревне было несколько (или, по крайней мере, одна) – получали их доходы и за это со своей стороны заботились об их содержании.¹³⁹ Особые хижины, предназначенные для проституток, можно уже рассматривать, как первоначальную форму борделя. По В. Риде¹⁴⁰ торговлей девушками часто занимались богатые женщины. Упомянутые уже Шнуррером церемонии посвящения проституток в их звание на берегу Кваква заключались в том, что посвящение торжественно производилось начальником, и что это служило поводом для большого праздника. Все доходы проститутки должны были отдавать начальнику, но за то они получали от деревни средства к жизни, сколько хотели. В Дагомее владельцем проституток являлся король, которому они должны были отдавать свои доходы. У хабабов и менза (восточная Африка) посвящение проституток точно также сопровождалось большими празднествами.¹⁴¹ Таким образом, мы видим, что и при первобытных условиях уже встречается своего рода государственная регламентация проституции.

У сандеев (центральная Африка) женщины отличаются вообще большой сдержанностью. Зато тем распущеннее «нсанга», проститутки, обыкновенно бездетные вдовы.¹⁴²

---

¹³⁴ Ratzel, a. a. O., I, S. 254–255.

¹³⁵ Thurnwald, Nachrichten aus Nissan und von den Karolinen, in: Zeitschrift für Ethnologie, 1908, Bd. 40, S. 107–108.

¹³⁶ R. Thurnwald, Im Bismarckarchipel und auf den Salomoinseln, in: Zeitschrift für Ethnologie, 1910, Bd. 42, S. 123.

¹³⁷ B. H. Purcell, Rites and customs of Australian Aborigines, in: Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie usw., 1893, S. 288.

¹³⁸ Friedrich Scknurrer, Geographische Nosologie, Stuttgart 1813, S. 159.

¹³⁹ Rosmann, Beschrijving van de Guinese Goud-Tand-en Sklavekust, I, S. 203, cit. nach Schurtz, S. 196.

¹⁴⁰ W. Reade, Savage Africa, S. 425.

¹⁴¹ Post, Afrikanische Jurisprudenz, Bd. I, S. 463 ff., cit. nach Schurtz, a. a. O., S. 196–197.

¹⁴² Ratzel, Volkerkunde, Bd. II, S. 314.

Тесную связь между проституцией и домами для мужчин доказывают условия, существующие в северном Марокко у племени дьебала. Общественный дом (беит-ес-софа) является здесь настоящим домом для холостых мужчин и в то же время он служит ареной диких половых оргий, в которых принимают участие проституированные мужчины и женщины. Женщин-проституток прямо покупают, и они находятся в общем владении нескольких холостяков.¹⁴³

В древнем Египте светская проституция рекрутировалась из отверженных и покинутых женщин, которые бродили по стране и отдавались каждому желающему. Такие бродячие проститутки встречаются у арабов и израильтян.¹⁴⁴

По Блосс-Бартельсу,¹⁴⁵ проституция с целями гостеприимства очень распространена в экваториальной Африке, так как здесь всюду смотрят на женщину, как на доходную статью, прелести которой должны приносить еще большую прибыль, чем работа рабов. Поэтому мужья особенно охотно предлагают своих жен богатым чужестранцам и умеют изгонять в случае надобности скромность своих жен с «кассинго» в руках.

Аналогичный вид проституции существует у даяков на острове Борнео и у тенгерезов на Яве.¹⁴⁶

Тесную связь между проституцией и свободной половой жизнью молодежи в давние времена доказывает также древний обычай добрачной проституции с целью скопить себе приданое, засвидетельствованный не только дикарей,¹⁴⁷ но и у лидийцев и этрусков. Если незамужние девушки, как об этом сообщает, например, Геродот (книга 5, глава 6) о фракийцах, могли вступать в половые сношения с кем хотели, в то время как замужних женщин строго охраняли, то эта добрачная распущенность могла тем скорее вести к проституции, что для вступления в брак обыкновенно требовалось приданое. Так, Геродот сообщает (книга 1, глава 93): «Дочери лидийцев проституируются ради денег и накапливают себе таким образом приданое. Они занимаются этим, пока они свободны и сами отыскивают себе мужей». Точно также продавали себя, чтобы заработать свое приданое, девушки на берегу Кипра. (Юстин, книга XVIII, глава 5: *Mos erat Cyprus virgines ante nuptias statutis diebus dotalem pecuniam quaesitoras in quaestum ad litus man's mittere, pro reliqua pudicitia libamenta. Veneris soluturas*). У этрусков, составлявших, как полагают, потомков лидийцев,¹⁴⁸ точно также существовал этот обычай. Плавт говорит в пьесе «Cistellaria» (действие II, сцена 2): «Тогда тебе не придется, по обычаю этрусков, недостойно добывать себе приданое собственным телом».

Такой же обычай существует и у некоторых арабских племен северной Африки, в особенности у Улед Наил, о чем мы еще поговорим подробнее ниже. Но такая форма проституции, во всяком случае, не накладывала на девушку ни малейшего пятна. Напротив, неоднократно сообщалось о том, что именно эти девушки являются особенно желанными женами, очевидно не только ради их приданого. Тот же вольный взгляд наблюдается и в низших классах

---

¹⁴³ Schurtz, a. a. O., S. 299.

¹⁴⁴ F. v. Reitzenstein, *Liebe und Ehe im alten Orient*, S. 15.

¹⁴⁵ Ploss-Bartels, *Das Weib in der Natur- und Volkerkunde*, Bd. I, S. 591.

¹⁴⁶ Там же, стр. 591.

¹⁴⁷ О проституции с целью добыть себе приданое, у индийских племен, см. Waitz, *Anthropologie der Naturvolker*, Bd. IV, S. 277.

¹⁴⁸ Во всяком случае, они происходят от древних обитателей Малой Азии. См. Georg Buschan, *Illustrierte Volkerkunde*, Stuttgart 1909, S. 309

европейских культурных народов, в среде которых проститутки отнюдь не пользуются таким презрением, как в средних и высших классах.

С другой стороны, и у диких народов нередко клеймят презрением постоянное занятие проституцией. Так, Якобс сообщает, что в Арие, на Суматре, к проституткам относятся с презрением и что они могут там заниматься своим ремеслом только тайно. Проституцией занимаются обыкновенно лишь немолодые уже девушки и молодые вдовы, для которых брак уже невозможен. Они пользуются в большинстве случаев услугами какой-нибудь старухи-посредницы, которая и находит для них нужное помещение. Но если дело предается огласке, то главный начальник обыкновенно высылает этих женщин из деревни. Иногда несколько таких проституток под руководством старой сводницы бродят с места на место. Если молодой человек, встретив эту компанию, желает вступить в сношения с какой-нибудь из девушек, он обращается к старухе со следующими словами: «Я испытываю жажду, но не хочу воды, я голоден, но не хочу рису. Не можете ли вы, матушка, удовлетворить мое желание?» Старуха тогда отвечает: «Ну, это я могу». Следующее затем свидание обыкновенно имеет место в какой-нибудь покинутой сторожке на одном из соседних рисовых полей. Выговоренная сумма должна быть наполовину уплачена вперед,¹⁴⁹

Относительно Америки также известны факты, указывающие на связь между проституцией и домами для мужчин. По Сахагуну, у мексиканцев всякий молодой человек жил в тельпохкали, т. е. военном воспитательном доме, с двумя-тремя публичными женщинами, у которых он спал. Ретценштейн¹⁵⁰ справедливо видит в этом обычай древнего общества мужчин, которое открыто поддерживало отношения с незамужними девушками. При законодательном урегулировании половых отношений, место незамужних девушек заняли проститутки («ауианиме» или «маки»).

У племени майя, принадлежащего к ацтекам и пользовавшегося дурной славой развратного в половом отношении народа, место свободных половых отношений заняла проституция. Публичные девушки жили в собственных домах, к которым доступ был открыт для всех молодых людей.¹⁵¹

Переход от свободной любви среди молодежи к проституции обнаруживают и описанные Карлом ф. Штейнен¹⁵² условия, существующие в домах для мужчин у индейцев бороро в центральной Бразилии. Он сообщает, между прочим, следующее: «Центральным пунктом в жизни индейцев бороро является байто (ранхео), дом для мужчин. Наряду с невероятно шумной жизнью, разыгрывающейся здесь день и ночь, семейные хижины являются едва ли чем-нибудь большим, чем местом пребывания женщин и детей. Соединенные в союз мужчины называются арое, причем союз заключается с целью общей охоты... В «доме», где индейцы были только среди своих, господствовал – если не считать явлений полового характера – образцовый и по нашим понятиям порядок... Насколько я понял, все племя делилось на два больших класса: на живущих в семейных хижинах и на живущих в домедля мужчин. К первым принадлежали более старые отцы семейств, жившие в правильном браке, ко вторым – холостяки, которые захватывали себе девушек и сообщая, небольшими группами, владели ими. Похищение женщин, происходившее между разными племенами, здесь разыгрывалось внутри племени.

---

¹⁴⁹ Ploss-Bartels, a. a. O., Bd. I, S. 590.

¹⁵⁰ Reitzenstein, Liebe und Ehe in Ostasien und bei den Kulturvölkern Altamerikas, S. 70.

¹⁵¹ Там же, стр. 83.

¹⁵² Karl von den Steinen, Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens, Berlin 1894, S. 480, 486, 500–502.

Только часть членов данного племени имела жен в своем постоянном владении. Обычай эти уже сами по себе указывают, что мы имеем перед собой привычные учреждения.

Теперь о нравах, господствующих в домедля мужчин. Бразильцы утверждают, что бывали случаи, когда 30–40 мужчин один за другим насиловали женщину, которую крепко держали за руки и за ноги. Частью девушек приводят открыто, днем, и, как описано выше, разрисовывают и украшают, что сопровождается всегда шутками и шалостями. Частью же их ловят поздно ночью. Так, мы видели однажды ночью, как холостяки, лежавшие перед ранхео, сделали нападение на группу женщин, возвращавшихся с поминок. Двух из них поймали. Их молча окружили, завернули в покрывала, так чтобы их нельзя было узнать, и потащили в мужской клуб. Женщины из ранхео получали от своих возлюбленных стрелы с длинными бамбуковыми остриями, от каждого мужчины по две. Девушка принимала их нерешительно, с равнодушным лицом. Однажды я присутствовал при такой церемонии и насчитал у одной девушки 18 любовных стрел. Они затем передаются брату девушки или брату ее матери. Девушки, живущие в ранхео, никогда уже не выходят замуж. Если у них рождаются дети, отцами их считаются все мужчины из ранхео, с которыми девушки имели сношения. Это, следовательно, вполне урегулированные отношения, вытекающие из перевеса власти старших. Последние владеют женами, а из девушек, кроме того, извлекают пользу, отдавая их в ранхео и получая за них стрелы, или предметы украшения: платой служат иногда, например, шнуры для подтяжек. Противоположные отношения, как говорят, не безызвестны в мужском доме, но они наблюдаются только в том случае, когда недостаток в девушках в ранхео необыкновенно велик».

Таким образом, переход от свободной любви к проституции совершается здесь аналогично, путем образования мужских домов, как это описано нами выше у меланезийцев островов Санта-Круц. По Эренрейху,¹⁵³ у Карайя на Рио-Арагвай, одна часть женщин живет в однобрачии, а другая – в половом смешении.

Если проституция, следовательно, произошла первоначально из ничем не ограниченной свободы половых отношений и еще до настоящего времени является последним, свидетельствующим о них пережитком, то ничего нет удивительного, если она впитала в себя также те элементы, присущие свободной половой жизни, которые придают ей антииндивидуальный, общий характер и переносят ее в более свободную сферу. Это именно религиозные и художественные элементы примитивного гетеризма. Они оказывали и теперь еще оказывают свое действие в проституции, чем опять-таки подтверждается связь обеих форм свободных половых отношений.

Что между религиозными и половыми ощущениями существует глубокая коренная связь, я уже обстоятельно изложил в другом месте¹⁵⁴ и должен здесь только сослаться на сказанное. Как религиозное, так и половое ощущение есть, прежде всего, общее неясное томление (*Sehnsacht*). То, что составляет безграничную, вечную черту в нем, не поддается никакой индивидуализации. Поэтому понятно и нет ничего удивительного, что половое сношение, как чисто чувственный, безличный акт, связано с религиозным чувством, как это всего яснее видно у первобытных народов. Это тем понятнее, что для них половая жизнь не представляла ведь ничего нечистого, ничего грешного. Напротив, они считали ее чем-то естественным, как еда и питье, чем-то необходимым, даже благородным, хорошим и угодным богам.¹⁵⁵

---

¹⁵³ Paul Ehrenreich, Beitrage zur, Volkerkunde Brasiliens, in: Veroffentlichungen aus dem Kgl. Museum fur Volkerkunde, Bd. II, S. 28.

¹⁵⁴ Иван Блох, «Половая жизнь нашего времени», изд. «Современной медицины», пер. П. И. Лурье-Гиберман, стр. 81-107. См. также основательное сочинение Георга Рунце.

¹⁵⁵ Христианским миссионерам все это должно было, конечно, представляться в совершенно другом свете. Этим объяс-

Поэтому совершенно свободные, необузданные половые отношения не безнравственны и не заслуживают, по их мнению, наказания с точки зрения божества, а, напротив, в высшей степени моральны и похвальны. В противоположность нашим современным взглядам, девушка, предающаяся свободной половой жизни, не только не подвергается за это презрению, а пользуется даже особым уважением,¹⁵⁶ как «существо, посвященное первобытным богам». Неограниченное проявление полового инстинкта в честь богов считается даже особой привилегией, которая у некоторых народов принадлежит высшей аристократии, например, старшей дочери короля у дравидийского племени Бунтар в Остиндии,¹⁵⁷ женщинам царской крови у племени Тишты на золотом берегу Африки,¹⁵⁸ женщинам господствующих фамилий в западной Африке,¹⁵⁹ знатым девушкам на Маршалльских островах.¹⁶⁰

Удовлетворение полового инстинкта является здесь обязанностью по отношению к боже-ству, заповедью божьей. Так, в древнеиндийском эпосе Магабгарата король Иаиати говорит по этому поводу: «Мужчину, к которому обращается с просьбой зрелая женщина, если он не исполняет ее просьбы, знатоки Веды называют убийцей зарождающегося существа. Кто не пойдет к вожделеющей зрелой женщине, обратившейся к нему тайно с просьбой, тот теряет добродетель и называется у белых убийцей зарождающегося существа». Вилюцкий¹⁶¹ справедливо замечает, что свободная любовь считается здесь не правом, а священной обязанностью. Еще и теперь в низших классах Индии девушка должна в известном возрасте выбирать между браком и свободной любовью, и если она выбрала последнюю, ее неоднократно венчают фиктивным браком с изображением божества.¹⁶² Свободная половая любовь посвящается здесь, следовательно, богу, как защитнику древних обычаев.

В связи с этим, Оплодотворение рассматривается, как священный акт, которому приписывается божественное действие. Это доказывает вера в чары оплодотворения, путем совершения полового акта на открытом месте, на полях, для возбуждения роста растений. Так поступают, например, на Яве, на Молуккских островах,¹⁶³ у Кая-Кая на Новой Гвинее,¹⁶⁴ где половой акт совершается только на открытом месте (большей частью среди растений), у южных славян.¹⁶⁵ Ту же цель преследует вырезание изображения женских половых органов на плодовых деревьях, встречающееся на Амбонне и на Улиаских островах.¹⁶⁶

Сюда же относится и почитание половых органов, как божественного символа, в так называемом культе Фаллоса,¹⁶⁷ который распространен, как повсеместное явление, по всему земному шару и привел к удивительнейшим обычаям, из которых многие сохранились до настоящего времени. Тот факт, что искусственные половые органы представляют собой боже-

---

няется, почему францисканский патер Сахагун говорит об ацтеках, что «они почитают богиню сладострастия Тласольтеотль, которой они, однако, не каются в своем разврате, потому что не считают его грехом». «Histoire generate des choses de la Nouvelle Espagne» traduite par Jourdanet et Simeon, Paris 1880, стр. 343.

¹⁵⁶ Paul Wilutzky, Vorgeschichte des Rechts, Bd. I, S. 26.

¹⁵⁷ Slarcke, Die primitive Familie. Leipzig 1888, S. 92.

¹⁵⁸ Wilutzky, a. a. O., S. 26.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Knappe, Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten, Bd. I, S. 76.

¹⁶¹ Wilutzky, a. a. O., S. 27.

¹⁶² Josef Kohler, in: Zeitschrift fur vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. X, S. 120ff.

¹⁶³ Ploss-Bartels, Bd. I, S. 544.

¹⁶⁴ R. Poch, Reisen in Neu-Guinea, in: Zeitschrift fur Ethnologie, 1907, Bd. 39, S. 392.

¹⁶⁵ Fr. S. Krauss, Beischlafausubung als Kulthandlung, in: Anthropophyteia, 1906, Bd. III, S. 28–30.

¹⁶⁶ Ploss-Bartels, Bd. I, S. 190.

¹⁶⁷ См. J. A. Dulaure, Les divinites generatrices ou du culte du Phallus chez les anciens et chez les modernes. Paris, 1805, 1825, 1885 и 1905, а также немецкое расширенное издание, «Die Zeugung in Glauben, Sitten und Brauchen der Vdl-ker», von Friedrich S. Krauss und Karl Rietschel, Leipzig, 1909 (с более новой литературой).

ство и что ими пользуются, например, для дефлорирования девушек, всего яснее доказывает религиозный взгляд на половую жизнь. О лишении невинности посредством божественного символа, искусственного фаллоса, нам сообщают, например, из Остиндии. У римлян такую же роль играл «*fascinum*», мужской член; то же у моавитян. Имена «дефлорирующих богов» (Ваал, Пеор, *Dea Perfica*, *Pertunda*, *Mutunus Tutunus*, *Priapus*) указывают на тот же обычай.¹⁶⁸ Бахофен первый высказал мнение, что связь между гетеризмом, промискуитетом и религиозными моментами должна рассматриваться, как сопротивление индивидуализации любви, вытекающее из примитивных инстинктов. У народов, у которых уже развились урегулированные половые отношения, все же бывают случаи, когда свободная половая жизнь до известной степени снова пролагает себе дорогу, или же когда она предшествует урегулированным формам, символически только, или же действительно являясь по отношению к ним «замещением или искуплением». Так, мы находим временный промискуитет во время религиозных празднеств, причем здесь, впрочем, и искусство также является причинным моментом для половой необузданности, как мы еще будем говорить об этом ниже. Сюда относятся, например, ночные оргии, устраиваемые кавказским племенем Пшавов в честь Лаши, сказочного сына царицы Тамары, о которых сообщает Даринский¹⁶⁹ и которые Вилюцкий приводит в связь с оргиями скифского племени Саков в честь богини любви Анаитис (Страбон XI, глава 512).¹⁷⁰ Аналогичные празднества мы находим у индейских племен Северной Африки, у эскимосов,¹⁷¹ на Мадагаскаре,¹⁷² у австралийских негров, у обитателей островов Фиджи (см. выше); таковы же античные празднества в честь Изиды и др.

Об идее промискуитета, в противоположность индивидуальной любви, напоминают далее: обычай половых сношений невесты в брачную ночь с другими мужчинами у назомонов (Геродот IV, 172), на Болеарских островах (Диодор V, 18) и у австралийских курнаи;¹⁷³ много оспариваемое, но этнологически вполне доказанное «*jus primaе noctis*», относительно которого существует громадный материал из всех стран земного шара;¹⁷⁴ лишение невинности во имя божества представителями его на земле (короли, духовные лица, кровные родственники, не живущие в данном месте чужестранцы).¹⁷⁵

Но этническая элементарная мысль, что божеству угодно господство ничем неограниченного полового инстинкта, находит себе наиболее полное выражение в так называемой «религиозной проституции». Мы видим здесь служение необузданному естественному началу, которому противны стеснительные оковы брака и которое находит себе полное осуществление только в неограниченной никакими правилами свободной половой жизни. Отдача себя является «сладострастной жертвой», приносимой этому естественному началу, половым отправлением, которое совершается в форме проституции, в форме неограниченных половых сношений со всяким желающим, без всякой индивидуальной любви, только как акт грубой чувственности и за вознаграждение. Здесь имеются, следовательно, все те признаки, совокупность которых мы называем теперь «проституцией», хотя моральная оценка их совсем другая, и в этом смысле, собственно, нельзя было бы говорить о проституции. За внутреннюю связь между этими двумя явлениями говорит, однако, ясное повсюду происхождение религиозной проституции из первобытного промискуитета и частый переход ее в светскую проституцию.

¹⁶⁸ См. «Половая жизнь нашего времени» И. Блоха, стр. 86–87.

¹⁶⁹ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, Bd. XIV, S. 153–154.

¹⁷⁰ а. а. О., S. 25.

¹⁷¹ J. Kohler, in: *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, Bd. XII, S. 315–316.

¹⁷² Kohler, ebend., Bd. V, S. 345.

¹⁷³ Wilutzky, а. а. О., S. 36.

¹⁷⁴ Vgl. Wilutzky, а. а. О., S. 34–37.

¹⁷⁵ См. И. Блоха «Половая жизнь наш. врем.», стр. 86, 88–89.

Подобно тому, как служащие религиозной проституции храмы часто непосредственно происходят¹⁷⁶ из долгов для мужчин и еще долгое время сохраняют некоторые его особенности, точно так же они сами всюду, несомненно, были прообразами позднейших борделей и даже неоднократно функционировали в качестве таковых.

Религиозную проституцию можно разделить на две категории: 1) однократную проституцию в честь божествам и 2) постоянную религиозную проституцию.¹⁷⁷ При первой – дело идет в большинстве случаев о принесении в жертву целомудрия девушки или об однократной отдаче себя уже дефлорированной женщины. В обоих случаях, если роль мужчины не исполняет какой-нибудь божественный символ (искусственный фаллос и т. п.), то женщина отдается одному или нескольким мужчинам, которых нужно рассматривать, как заместителей божества. Такая временная религиозная проституция, безусловно, является своего рода «замещением» или «искуплением» за ограничение первоначальной половой разнуданности, которую из религиозного страха перед старым обычаем не осмеливаются совершенно устранить, но по возможности временно ограничивают. Постоянная проституция есть дальнейший шаг в этом направлении, так как отныне все другие девушки исключаются, и проститутки одни только поддерживают принцип ничем неограниченных половых отношений. Тем самым «они исполняют большую задачу, которая в глазах их земляков не только не заслуживает презрения, но даже скорее заслуживает благодарности и легко приобретает ореол святости» (Шурц). Этим объясняются религиозные и народные празднества при посвящении публичных девушек, практикуемые у первобытных народов.

Наряду с этими очевидными социальными причинами религиозной проституции, неоднократно могут также играть роль индивидуальные моменты в отношении божества к половой жизни. Признавая значение социального момента при замещении промискуитета проституцией первично действующим фактором, я думаю, однако, что свое основание имеет и высказанный мною в другом месте¹⁷⁸ нижеследующий взгляд:

«Когда женщина отдается в честь божества, чисто чувственный акт этот связан с религиозным чувством. Комбинация жгучей чувственности с интенсивным религиозным ощущением может послужить для женщины поводом всецело посвятить себя Богу и во имя его всегда отдавать свое тело. Или в храмовой проституции, при которой божество пользуется многими женщинами через посредство мужчин, нашла себя земное осуществление идея о божественном гареме.¹⁷⁹ Или же этот обряд мог, наконец, явиться последствием обычая совершать совокупление – которое вообще считалось религиозным актом – в храме или в священных местах дома. За это говорит замечание столь сведущего в этнологии Геродота. В то время как он сообщает о египтянах, что совокупление в храме у них строго запрещено – что, быть может, указывает, что оно раньше практиковалось – он говорит далее: «А все другие народы, кроме египтян и греков, совокупаются в святилищах или после совокупления, не совершив омовения, отправляются в святилища. Они думают, что люди подобны животным. Ведь мы видим, говорят они, что животные и птицы совокупаются в храмах богов и в священных рощах. Если бы это было неприятно богу, так и животные ведь не делали бы этого. Так они поступают, и такое они приводят основание для своих поступков. Мне это, однако, не нравится». (Геродот, II, 64).

Обычай совокупления в храме несомненно возник из религиозного чувства, из желания, оставаясь в храме во время акта, вступить в непосредственную связь с божеством. Когда же

¹⁷⁶ Vgl. Schurtz, Altersklassen und Mannerbunde, S. 198.

¹⁷⁷ Vgl. Iwan Bloch, Beitrage zur Aetiologie der Psychopathia sexualis, Dresden 1902, Bd. I, S. 79 ff.

¹⁷⁸ Iwan Bloch, Beitrage usw., 1902, Bd. I, S. 88–89.

¹⁷⁹ Согласно вере индусов, например, всякое божество имеет свой гарем. См. E. Hardy, Indische Religionsgeschichte, Leipzig 1898, стр. 43.

божество получило впоследствии своих собственных жриц в виде прислужниц храма, не было больше надобности приводить с собой в храм жену или другую женщину, так как можно было сноситься с божеством при посредстве его жриц. Что касается богинь, как Милитта, Анаитис, Афродита, то здесь существует еще четвертый причинный момент для храмовой проституции. Дело в том, что блудницы-жрицы, благодаря своей красоте и выдающимся умственным дарованиям, часто считались изображениями богинь. Этим объясняется греческий обычай, по которому красивые гетеры, например, Фрина, служили моделью Праксителю и Апеллесу для изваяния статуи Венеры (Атений ХЛИ, 590, 591а).

Религиозный первоначально, священный характер храмовой проституции доказывает и столь многозначительное изречение, как нижеследующее из книги «Мудрость Соломона» (14, 12): «Начало блуда есть обращение к идолам». Явления половой жизни были именно угодны божеству; они первоначально божественны, чисты и благородны, потому что вытекают из той же страсти, что и религия. Еще и в настоящее время у многих людей с глубоко религиозным чувством можно заметить указанное тождество. Отрицать это, как делает, например, Непке,¹⁸⁰ значит противоречить всем наблюдениям истории культуры и индивидуальной жизни. Подробное обоснование глубокой и тесной связи между религией и половой жизнью читатель найдет у меня в другом месте,¹⁸¹ на которое я и ссылаюсь. Очень тонко анализировала недавно эти отношения Лу-Андреас-Саломе.¹⁸² Между прочим, она говорит: «Особенно тесно связана, по-видимому, половая жизнь с религиозными явлениями, в том отношении, что творческая деятельность ее очень скоро проявляется в производительности тела, придавая тем самым чисто физической страсти присущий вообще творчеству характер всеобщего подъема – как бы авансом налагая на эту страсть печать духовности. Но если дух снабжает, таким образом, чисто половые аффекты мозговыми импульсами, то с другой стороны, в религиозной страсти, как во всякой вообще интенсивной психической деятельности, принимают участие тонические влияния тела. Между обоими моментами лежит все развитие человека, не образуя, однако, нигде пробелов: все многообразие его замкнуто в волшебном круге этих двух единств, начало и конец сливаются в нем. В самом деле: ведь нет также религиозной страсти, которая не поддерживалась бы смутным сознанием, что высшие идеалы, о которых мы мечтаем, могут давать ростки на самой низменной земной почве. Вот почему религиозный культ седой старины дольше и глубже связан с половой жизнью, чем с остальными жизненными проявлениями. Связь эта кое-где уцелела даже в так называемых спиритуалистических религиях, основанных отдельными лицами («Stifterreligionen»).

Какое обилие сексуального во всех религиозных явлениях и учреждениях от древнего до нашего времени, во множестве религиозных церемоний и обычаев (культ Марии и т. д.), в религиозном способе выражений (напр. в «Uniomystica»), в церковных песнях, в вере в ведьм, в сектантстве, в «черных» мессах сатане и прежде всего – в аскетизме! На этот последний нужно именно смотреть как на реакцию против примитивной религии, покоившейся первоначально на половом базисе, для которой обречение женщины на половой акт в честь и для выгоды божества казалось чем-то вполне естественным. Противоположность между этим «языческим» и христианским взглядом на храмовую проституцию очень хорошо подметила Росвита фон Гардесгейм в своей драме «Fall und Busse Marias, der Nichte des Einsiedlers Abraham».

¹⁸⁰ Paul Nucke, Die angeblichen sexuellen Wurzeln der Religion, in: Breslauer Zeitschrift für Religionspsychologie, 1908, Bd. II, S. 4. ff.

¹⁸¹ Иван Блох, «Половая жизнь нашего времени», стр. 81-107.

¹⁸² Lou Andreas Salome, Erotik und Religion, in: Die Erotik, Frankfurt a. M. 1910, S. 32-37.

Когда Абрагам нашел бежавшую много лет тому назад племянницу свою Марию в публичном доме и обратил ее, Мария, между прочим, говорит:

Мария. Золота есть у меня еще немного и материй; что мудрость решит твоя сделать с этими безделками?

Абрагам. Что ты приобрела грехом своим, то брось с грехами вместе.

Мария. Я думала их бедным подарить, быть может, послужили бы они для алтарей священных.

Абрагам. Не думаю, чтоб Богу был угоден дар, добытый путем преступления.¹⁸³

Мария придерживается еще старого взгляда, что вознаграждение, получаемое проститутками, угодно богам и принимается ими,¹⁸⁴ между тем как Абрагам защищает противоположное, христианское воззрение.

И религиозная проституция, как пережиток необузданной половой жизни, действительно является примитивным, повсеместным явлением, которое мы еще и теперь находим у дикарей, но которое долгое время продолжает существовать, как остаток древнего гетеризма и у культурных народов. Ниже мы приводим главнейшие относящиеся сюда факты.

Прямую связь между домами для мужчин, как местом необузданных половых отношений, и религиозной проституцией можно доказать на Новой Гвинее и на некоторых островах Южного океана. Так, на Дорейской бухте дома для мужчин характеризуются смесью святости и разврата.¹⁸⁵ Из следующих слов Раффрея¹⁸⁶ можно себе представить, что там происходит: «Il existe encore a Dorey et a Manssinam des maisons sacrees, sortes de temples de Venus ой habitent les jeunes gens; mais je ne puis, par respect pour la society et pour moi mSme, vous' en faire une description».

Религиозный характер проституция носит также у жриц ордена Agbui в стране племени Ewe, в западной Африке. Отчет миссионера Цюнделя об этом гласит:¹⁸⁷

«Еще одно явление природы, в котором представитель племени Ewe видит господство сильного духа и которому он поклоняется, это молния и гром. Божество это, на которое почитатели его смотрят, как на исполнителя гневного суда божьего, пользуется поклонением только одной части народа. В особенности поклоняются ему женщины. Это так называемые Agbui, образующие особый орден, имеющий свой особый знак, свой обет и свой язык, непонятный для других. Девушки, которые от рождения или позже

¹⁸³ Драммы Roswilha V. Gandersheim. Немецк. перев. Ottomar Piltz, Leipzig (Reclam), стр. 123. По аналогичным мотивам, раскаявшаяся грешница Тайс сжигает свои сокровища в драме «Paphnutius».

¹⁸⁴ Касательно этого вполне установленного факта мы приведем еще интересное объяснение знаменитого теолога I. I. Деллингера («Heidenthum und Judenthum, Vorhalle zur Geschichte des Christenthums, Regensburg 1857, стр. 398–399). «Где сексуальность приписывалась самому божеству, где стояли друг против друга два божества, одно мужское и одно женское, там половые отношения казались чем-то, опирающимся на самое божество. Половой инстинкт и удовлетворение его были тем, что и в человеке больше соответствовало божеству. Таким образом, сладострастие само превратилось в богослужение. Так как основная мысль жертвы в том, что человек отдавался божеству не непосредственно, а через заместителей божества, то женщина не могла ничем лучше служить богине, чем проституцией. Вот почему так распространен был обычай, по которому девушки перед своей свадьбой должны были один раз отжаться в храме богини. Это была в своем роде такая же жертва, как жертва первых полевых продуктов». В почитании богинь проституции решающая роль принадлежит матриархату и материнскому праву, как это доказали Бахофен, Гелльвалд и др. (См. J. J. Bachofen, Die Sage von Tanaquil, Heidelberg 1870, стр. 40 и след.; Fr. v. Hellwald, Die menschliche Familie, стр. 40). Отцовское право, патриархат, лежащий в основе религии Моисея, Заратустры, Христа, Будды, Магомета, враждебен женскому культу. Все названные религии боролись и частью победили религиозную проституцию.

¹⁸⁵ Schurtz, a. a. O., S. 209.

¹⁸⁶ A. Raffray, Voyage a la cote nord de la Nouvelle-Guinee, in: Bulletin de la Societe de Geographie, 1878, Bd. XV, S. 393.

¹⁸⁷ Zundel, Land und Volk der Eweer auf der Sklavenkuste in West-afrika (Z. der G. f. Erdkunde zu Berlin, 1877, Bd. XII. S. 416 bis 417).

посвящаются этому божеству, с двенадцати лет живут изолированно, не имея сношений с людьми, служат божеству и ведут образ жизни вроде как в общежительном монастыре, под надзором и руководством жреца. Кроме этого последнего никто не имеет к ним доступа. Здесь они живут 3–4 года, учатся и упражняются в обычаях, церемониях и языке ордена. Свое существование они поддерживают нищенством, и для этой цели им разрешается выходить со двора. После выхода из общежительного монастыря они снова возвращаются к прежним условиям жизни, но продолжают быть и остаются навсегда обрученными, повенчанными с божеством. Поэтому он и не могут вступать в брак, но становятся публичными женщинами. . . Орден считает для себя делом чести по возможности увеличивать число своих сочленов. С этой целью Agbui тайком уводят ночью девушек, как только им представится для этого удобный случай, и заставляют верить родных, что бог сам увел девушек».

На Золотом берегу также существовала религиозная церемония посвящения публичных женщин божеству. Каждая деревенская блудница была священна, и если их в наказание отнимали, всякий мужчина боялся, по Босману, за своих жен.¹⁸⁸ Блудницы эти назывались «abrakees». Они должны были обязаться клятвой, что даже и с самых богатых своих любовников в деревне не будут брать больше установленной цены.¹⁸⁹

В знаменитом змеином храме в Аюда, в Дагомее, девушки занимаются религиозной проституцией во имя служения божеству.¹⁹⁰ Отголосок религиозной проституции обнаруживает западноафриканский обычай «casa das tintas», который напоминает, по меткому замечанию Липперта,¹⁹¹ «хижины для девушек» из библии (2, Царств, 17, 30). На берегу Лоанго девушки, достигшие половой зрелости, выставляются публично в «kumbeh» или «casa das tintas». Исключение составляют лишь девушки, уже с детства избранные для себя каким-нибудь принцем. Бастиан справедливо замечает, что постановление о запрещении девушкам выходить замуж прежде, чем они будут предложены для продажи в общую собственность, напоминает об условиях, существовавших во времена необузданных половых отношений и коммунального брака. Связь такой выставки с религиозными представлениями видна из того, что созревшую для этого девушку, прежде всего, ведут к «Iteque» или идолу божества, потом в «casa das tintas», празднично убранную хижину, где под звуки кастаньет и песню женщин – «уж она молода, уж ей нужен мужчина» – какая-нибудь старуха раскрашивает ее тело в красный цвет (отсюда название «casa das tintas»), а затем она принимает многих мужчин, но может совершать с ними половые сношения лишь при закрытых дверях; открыто же дозволены только «игры». Во время этих церемоний произносятся святыя молитвы и изречения, обращенные к богу «Iteque». Пребывание в хижине продолжается до пяти месяцев, пока обитательница ее не выйдет замуж. Взрослая дочь принца, если она еще не нашла себе мужа, точно так же выставляется с разрисованным телом в «casa das tintas», не найдется ли кто-нибудь, кто бы заплатил родителям за первое пользование ею. Если охотника нет, то она передается рабу, который сам должен исполнить обязанность, возложенную раньше в Арракане на жрецов (как заместителей божества), а потом должен жениться на ней или же отпустить ее.¹⁹²

¹⁸⁸ Adolf Bastian, *Der Mensch in der Geschichte*, Leipzig 1860, Bd. III, S. 306

¹⁸⁹ Adolf Bastian, *Die deutsche Expedition an der Loangoküste*, Jena 1874, Bd. I, S. 176. – Цена эта считается установленной божеством.

¹⁹⁰ Bastian, *Der Mensch in der Geschichte*, Bd. III, S. 316.

¹⁹¹ Julius Lippert, «Allgemeine Geschichte des Priestertums», Berlin 1883–1884, Bd. I, S. 522, Bd. II, S. 314, und «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau», Stuttgart 1887, Bd. II, S. 13–14.

¹⁹² Vgl. Bastian, *Loangokrste*, Bd. I, S. 152, S. 175–177.

Своего рода религиозную проституцию представляет и существующий в Бенгуэле обычай, по которому женщины «vakunga» водят бедных девушек перед их свадьбой в качестве «vongolo» (святые девушки), чтобы они путем лишения чести заработали себе денег.¹⁹³

В древней Мексике существовала религиозная проституция в честь богинь любви Xochiquetzal и Xochitecatl. На празднествах в честь этих богинь (Quecholli) проститутки частью шли на смерть, частью же служили половому разврату.¹⁹⁴

Классической страной религиозной проституции в пределах культуры старого света считался Вавилон, из которого, как из центра, обычай этот распространился по всей передней и культурной западной части Азии. Мы имеем здесь перед собой древнейший обычай, который можно проследить в течение веков и существование которого можно доказать вплоть до времен Константина Великого.

Наиболее обстоятельным и наглядным сообщением о нем мы обязаны Геродоту (кн. I, гл. 199). Он говорит (цит. по немецкому перев. Фридриха Ланге, пересмотренному Гютлингом, Лейпциг, 1885 г., стр. 121):

«Каждая женщина в стране должна раз в жизни сесть у храма Афродиты и отдаться какому-нибудь чужеземцу. Многие женщины, не желающие смешиваться с другими, потому что, имея деньги, много воображают о себе, приезжают в святилище в закрытом экипаже и их сопровождает многочисленная прислуга. Но большинство поступает следующим образом: они сидят в священной роще Афродиты, с венками из веревок на голове – их много, потому что одни уходят, а другие приходят. Из круга, образуемого женщинами, по всем направлениям расходятся прямые дороги, по которым проходят чужеземцы, чтобы выбрать себе одну из сидящих. Раз женщина пришла и села здесь, она не может уже вернуться домой, пока не получила денег от чужеземца и не вступила с ним в сношение вне святилища. Бросая ей деньги, он должен сказать: во имя богини Милитты! Милиттой называется у ассирийцев Афродита. Сколько бы он ни дал ей денег, она не должна отвергать. Это запрещено, потому что деньги посвящены божеству. Она должна пойти с первым встречным, кто дал ей деньги, и не должна никому отказывать. Когда она совершила половой акт, посвятивши себя тем самым богине, она снова идет домой, и отныне, сколько бы ей ни предлагали денег, она не сделает этого еще раз. Красивые и стройные женщины скоро возвращаются домой, но безобразным приходится долго сидеть здесь, не имея возможности выполнить закон. Некоторые остаются даже три, четыре года. В некоторых местах на Кипре господствует аналогичный обычай».

На основании наших этнологических знаний, мы можем утверждать теперь, что описания нашего старого учителя истории во всех отношениях правильны. Вместе с тем мы усматриваем в них тесную связь религиозной проституции с первобытным принципом полового промискуитета. Женщина отдает себя близ храма Милитты и во имя этой богини, и приобретенные таким путем деньги предназначаются для богини и посвящаются ей, но только в том случае, если женщина вступает в сношение с «первым встречным». Всякий выбор воспрещен! Дело идет именно о строгом проведении принципа промискуитета, который считается священным,

---

¹⁹³ Bastian, Der Mensch in der Geschichte, Bd. III, S. 321.

¹⁹⁴ v. Beitzenstein, Liebe und Ehe bei den Kulturvölkern Altamerikas, S. 70.

в противоположность ограничительному браку, но который здесь носит уже явный характер однократного искупления, однократной жертвы богине, как родоначальнице и представительнице этого принципа.

«Милитта, – говорит Бахофен,¹⁹⁵ – следует принципу жизни предоставленной самой себе природы, в ее свободной творческой деятельности, не нарушаемой никакими человеческими законами. Стеснительные оковы брака противны природе Милитты. Представительница материального *ius naturale*, богиня требует от всякой девушки из своего народа, чтобы она свободно отдавалась всякому мужчине, который этого потребует. Денежный дар мужчины составляет вознаграждение богине и присоединяется к сокровищам храма; веревка на голове – знак обязательства принести в жертву свое целомудрие, а проституция представляет, следовательно, священный акт, возлагаемый на девушку религией. Если же богиня удовлетворяется однократной жертвой со стороны женщины и затем уже снисходительно относится к самому строгому целомудию ее в последующем браке, то это с полной очевидностью доказывает, что жертва эта считалась искуплением за противный природе Милитты брачный союз».

Весьма важное подтверждение описания Геродота находится в письме Иеремии, в апокрифической книге Баруха (6, 42, 43), в том месте, где говорится об опоясанных веревками женщинах, сидящих у края дороги, сжигающих благовонные жертвенные дары и отдающихся каждому чужеземцу, который того потребует. Последнее считается большой честью, тогда как соседняя женщина, не получившая предложения, подвергается насмешкам. Более чем 400 лет спустя после Геродота, географ Страбон видел еще то же самое (с. 745) в Вавилоне. Ареной религиозной проституции служила большая, расположенная вокруг храма Милитты, площадь, покрытая хижинами, рощами, прудами и садами. Там все еще было освященное место, где женщины отдавали себя.

Связь между религиозной проституцией в Вавилоне и проституцией с целью гостеприимства видна из того, что вавилонские женщины отдавались именно чужестранцам. Страбон решительно подтверждает этот взгляд.

Кроме такой однократной религиозной проституции, в Вавилоне существовала, конечно, и постоянная. Ею занимались девушки, служившие в храме богини любви Истар (Астарты¹⁹⁶), которые носили название «посвященных» («*zinnisata*», «*zicrum*», «*amelit zicru*», «*enitu*», «*harimtu*») (хиеродул). Их содержал храм, и они не имели права выходить замуж без разрешения. Дети их воспитывались в царском дворце (§ 187 свода законов *Hammurabi*¹⁹⁷). Такая храмовая проститутка играет роль в открытом в 1854 г. вавилонском эпосе *Gilgamis*, где богиня Истар пользуется ею, чтобы свести *Ja-bani* с *Gilgamis*.¹⁹⁸

По Павзанию (Описание Греции, кн. I, гл. 14), религиозная проституция распространилась из Вавилона дальше на запад. Он указывает, что она процветала впоследствии на Кипре, в Аскалоне в Сирии, на острове Китера и в Афинах. По словам Павзания и Геродота (т. I, стр. 115), религиозную проституцию перенесли всюду, главным образом, финикийцы. Геродот говорит, что храм уранийской Афродиты в Аскалоне был старейшим из всех храмов этой богини, и что вслед за ним уже был основан храм на Кипре. Храм на острове Китера также основали

¹⁹⁵ J. J. Bachofen, *Die Sage von Tanaquil*, Heidelberg 1870, S. 43.

¹⁹⁶ Милитта (от ассирийского «*mu'allidat*» = родильница) – богиня родов.

¹⁹⁷ V. Reitzenstein, *Liebe und Ehe im alten Orient*, S. 54.

¹⁹⁸ Vgl. Iwan Bloch, *Der Ursprung der Syphilis*, Jena 1911, Bd. II, S. 479–481.

финикияне. Религиозная проституция проникла и к израильтянам, но встретила здесь с самого начала величайшее противодействие. Ф. фон Зонтгейм справедливо называет всю историю израильского народа, со времени поселения его в Ханаане и до времени изгнания, когда сильно сказалось на нем вавилонское влияние, «непрерывной борьбой веры в противоположного Бога, противоречащей всему направлению той части света, с непреодолимым очарованием первобытной религии и с ее служением чувственности».¹⁹⁹

Библейский закон строжайшим образом запрещал всякого рода мужскую и женскую проституцию, в особенности же религиозную. Во «Второзаконии», 23, 18–19, сказано: «Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых, Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа, Бога твоего, ни по какому обету; потому что то и другое есть мерзость пред Господом, Богом твоим». Вот почему царь Иосия приказал первосвященнику Хелкии и другим священникам «вынести из храма Господня все вещи, сделанные для Ваала и для дубрав и для всего воинства небесного»... «И разрушил дома блудилищные, которые при храме Господнем, где женщины ткали шатры для священного дерева» (II Кн. Царей, 23, 4, 7). И то, и другое он сделал, «чтобы исполнить слова закона, написанные в книге, которую нашел Хелкия, священник, в доме Господнем» (I Кн. Царей, 23, 24). Иными словами, чтобы поддержать опирающееся на патриархат чистое монотеистическое учение, в противоположность первобытной религии, основанной на матриархате и вместе с ним освящающей необузданные половые отношения, сопровождавшие служение финикийской богине Ашера (Астарте) или Ваалу, которое хотел искоренить царь Иосия. Страстные слова пророка Осии (4, 13, 14) против девушек, которые «любодействуют», «отделяются вместе с блудницами и со жрицами разврата приносят жертвы», – слова эти доказывают, что религиозная проституция была распространена и среди израильтян. Что она существовала у них в первобытные времена; еще до Моисея, доказывают некоторые места из Библии. Так, в древние времена блудница, совершенно как в Вавилоне, сидит у дороги, по которой шли караваны, «у источника» (Кн. Бытия, 38, 14), – потому ли, что здесь, где отдыхали чужеземцы, она всего скорее могла рассчитывать на клиентов, или же дело шло, быть может, о каком-нибудь «священном источнике», у которого она отправляла свои обязанности в качестве хиеродулы, на службе у божества.²⁰⁰ Название места, Валааф-Беер (кн. Иисуса, 19, 8), означающее «богиня источника», относится еще, вероятно, к этому языческому времени. С этим культом, быть может, связан также приказ царя Давида помазать Соломона «у источника» священным елеем (Josephus, *Antiquitates judaicae* VII, гл. 14, 5). В книге Бытия, гл. 6, ст. 2 и 4, в представлении о половых сношениях между сынами Божиими и дочерьми человеческими также скрывается идея, лежащая в основе религиозной проституции.

В более позднее время религиозная проституция выполнялась, главным образом, иностранками. Что еврейские девушки, однако, также принимали в ней участие, доказывает поступок царя Иосии. В Библии проститутка обозначается именем «нохрия», т. е. чужая, иностранка.²⁰¹ Другие имена, которые она носила: «зона», т. е. пристающая, или «нафкат бара», т. е. расхаживающая по улицам (по халдейскому переводу Библии). Учреждение «суккот-бенот», «хижин для девушек» (II кн. Царей, 17, 30), которые Липперт²⁰² сравнивает с «casas

¹⁹⁹ Fridrich von Sontheim. *Geschichte der Liebe*, Stuttgart 1855, S. 24.

²⁰⁰ Vgl. Julius Preuss, *Prostitution und sexuelle Perversitäten nach Bibel und Talmud*, in: *Monatshefte für prakt Dermatologie*, 1906, Bd. 43, S. 11.

²⁰¹ «Здравый смысл будет охранять тебя... чтобы спасти тебя от жены чужой... речи которой лживы» (Притчи Соломона, 2, 16). «И для чего, сын мой, хочешь искать себе радостей от чужой и хочешь иметь в своих объятиях не принадлежащую тебе?» (Притчи 5, 20). «Жена блудная – глубокий ров, и чужая – тесный колодезь» (Притчи, 23, 27).

²⁰² J. Lippert, *Allgemeine Geschichte des Priestertums*, Bd. II, S. 314.

das tintas» западной Африки, решительно приписывается «мужчинам из Вавилона». По Розенбауму,²⁰³ учрежденные в округе иерусалимского храма «хижины для девушек» представляли кельи с изображениями Астарты, в которых еврейские девушки отдавались в честь богини. Это были, следовательно, своего рода освященные бордели. Израильтян старались также соблазнить религиозной проституцией «дочери Моава», как это указывает гл. 25 в книге «Числа»: Моавитянки «приглашали народ к жертвам богов своих, и ел народ жертвы их, и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору». Еще точнее это описано в сказании талмуда:²⁰⁴ в Мидии построили лавки, в которых продавались разные печенья. У дверей стояла старая женщина, которая требовала за товар настоящую цену. Внутри же стояла девушка, предлагавшая его дешевле. Если мужчина входил к ней, она подносила ему стакан Амоньевского вина, вызывающего похоть. Когда он выпивал и требовал, чтобы она отдалась ему, она вынимала из-за корешка изображение идола и ставила предварительно условие, чтобы он поклонился идолу. «Чужие» женщины склонили также царя Соломона, чтобы он ввел храмовую проституцию в честь Астарты, Молоха и Мильхома (кн. Царей I, гл. II, 4 и далее). То же сделал Ахав в честь Астарты и Ваала, под влиянием финикийской принцессы Иезавель (I, кн. Царей, 16, 31). Наглядное, картинное описание религиозной проституции и связанных с ней народных празднеств дает Иезекиель в главе 23, Осия 4, 11–18, I Иеремия 3, 1–2, II Маккавеи 6, 4. Во всех этих произведениях мы находим детали, указывающие на связь проституции со служением идолам.

Как и у евреев, религиозная проституция была также введена в Месопотамии. Отец церкви, Эфраим Сирус (350 лет Р. Х.),²⁰⁵ дает по этому поводу следующие указания, из которых видно, что обычай этот, несомненно, вытекал из первобытной религии.

«Венера ввела в соблазн своих почитателей Израильтян. Она пришла и в нашу страну, и теперь ее почитают главным образом сыны Агари.

Уличной женщиной (они называют) луну,
 Подобной блуднице они изображают Венеру,
 Двух они называют женщинами среди звезд.
 И это не только имена,
 Имена без смысла, эти женские имена, —
 Полны сладострастия они сами.
 Будучи женами всех —
 Кто из них может отличаться нравственностью?
 Кто из них целомудрен,
 Кто не ведет себя в браке подобно птицам?

Кто (кроме Халдеев) ввел чествование той безумной богини, на празднествах которой женщины предаются разврату?» — Здесь ясно указано на основное положение полового смешения, как на ядро религиозной проституции.

К странам, находившимся под влиянием ассирийской культуры, принадлежала и Лидия, в которой мы точно также находим религиозную проституцию, причем женщины, по Атенею (кн. XII, стр. 515 и след.), публично проституировались в «священном месте», в так называемом

²⁰³ Julius Rosenbaum. Geschichte der Lustseuche im Altertum, 6. Aufl., Halle 1893, S. 88.

²⁰⁴ Vgl. Preuss, a. a. O., S. 7.

²⁰⁵ Цит. по Rosenbaum, a. a. O., S. 52.

мом «Нагнеон». То же самое совершалось в находившемся в связи с Лидией храмом Венеры в Абидосе, посвященном «Aphrodite Porne», Венере блудниц (Athen., т. XIII, стр. 572).

Далее, как мы видели выше, уже Геродот (I, 199) указывал на родство религиозной проституции на Кипре и в Вавилоне, что вполне подтверждается указаниями позднейших авторов, как Арнобий, Фирмикус, Матерн, Клеменс Александрийский, Юстин и Атеней. Основателем служения Милитте на Кипре и ее развратных мистерий называют Цинираса. Ему приписывают учреждение храма в Пафосе и в Аматусе. Поводом для культа религиозной проституции послужила для короля любовь его к одной проститутке,²⁰⁶ которую король будто бы боготворил. В слове Метарме – дочери Пигмалиона, с которой Цинирас произвел на свет развратного Адониса, известного на Кипре под именем – даже прямо указано обозначение «священная блудница». Интересно указание в «Adelphi» (Братья) Теренция (действие II, сцена IV), что на Кипре для рекрутирования религиозной проституции велась оживленная торговля девушками. С другой стороны, дочь финикийского короля, Элисса или Дидона, основательница Карфагена, как говорят, увезла 80 проституток с острова Кипр (Юстин, 18,5), где они занимались религиозной проституцией в святилище *Sicca Venerea* (Валерий Максим, II, 6, 16). По Августину,²⁰⁷

---

²⁰⁶ Bachofen. Tanaquil, S. 45 (и указания источников).

²⁰⁷ Augustinus (De civitate dei IV, 10): Финикияне перед тем, как отдавать дочерей своих замуж, приносили Венере блудниц подарок на деньги, вырученные проституцией дочерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.